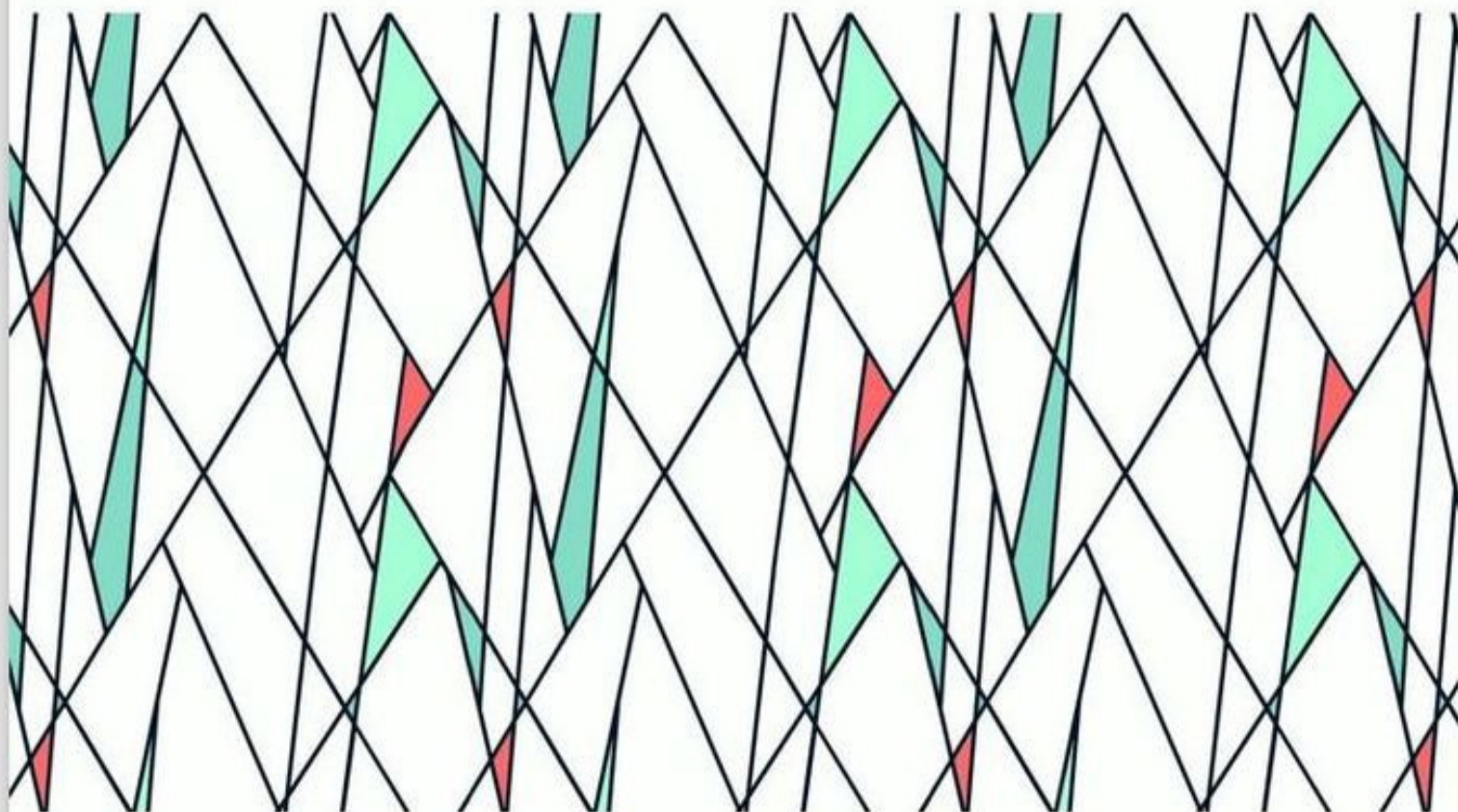

18+

Вячеслав Киктенко

**АЛФАВИТ. ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ. Р — Я**

Вячеслав Киктенко

Алфавит. Часть третья. Р – Я

«Издательские решения»

Киктенко В.

Алфавит. Часть третья. Р – Я / В. Киктенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517741-4

Собрание поэтических произведений Вячеслава Киктенко. Книга «Алфавит» составлена не как тематический, композиционно выстроенный сборник, здесь собраны стихотворения, написанные в разные годы, расположенные по заглавию или первой строчке, в строго алфавитном порядке. Отсюда название книги. Книга разделена на три части. Здесь — третья часть.

ISBN 978-5-00-517741-4

© Киктенко В.
© Издательские решения

Содержание

СВЕТОВИД	8
СЕРЕБРЯНЫЙ ЭКСКАВАТОР	14
СВАТОВСТВО	16
СВЕТОТЕНИ	18
Кон первый	19
Кон второй	21
Кон третий	23
ЮНОСТЬ. СЦЕНА. ДОРОГА	25
ЧУГУНКА	26
ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЕРЕДЕЛКИНО	27
СЦЕНА. ГАСТРОЛИ	30
СИРЕНИ	39
СКАЗАНИЕ О БЛАЖЕННЫХ ОСТРОВАХ	40
СКАЗКА О ВОДЕ	42
СЛУХИ	44
СКВОЗНЯК	46
СОКРАТ ОПРАВДАНЫЙ	48
ФОНАРИК-КАЛЕНДАРИК	51
БАССЕЙН	52
ПРУД	53
В СТОЛОВОЙ	54
РИТУАЛ	55
МОЧАЖИНЫ	56
СОНАТОРНЫЕ ДЕЛИКАТЕСЫ	57
СЕРВИС	58
ЛЮДИ КРУЧЕ	59
У МАССАЖИСТА	60
НА РОССТАНИ	61
ДОГОРЕЛ КАЛЕНДАРИК	62
СНЕГ В ДЕТСТВЕ	63
Стареющие авангардисты	66
СОВРЕМЕННОСТИ	68
СОН-ВОСПОМИНАНИЕ	69
СОЗЕРЦАТЕЛЬНИЦА	70
СОЛНЦЕ	71
СОЛОНЧАК	72
СОН ПОД ДЕРЕВОМ	74
ПОЛУНОЧНИКИ	75
СОЧЕТАНИЕ	76
ССОРА	79
СТАРЫЙ ТРАМВАЙ	80
СТАРЫЙ УЧЕБНИК	82
СУМАСШЕДШИЕ ДЕРЕВЬЯ	84
САГА О ПОТЕРЯННОМ НОСКЕ	86
СВЕТОВОЙ КРУГ	87
Цепочка стихотворений	88

ЯНВАРЬ	88
ФЕВРАЛЬ	89
МАРТ	90
АПРЕЛЬ	91
МАЙ	92
ИЮНЬ	93
ИЮЛЬ	94
АВГУСТ	95
СЕНТЯБРЬ	96
ОКТЯБРЬ	97
НОЯБРЬ	98
ДЕКАБРЬ	99
МЕРЦЕДОНИЙ	101
СИРЕНЕВЫЙ БУЛЬВАР	103
СОНЕТ, РАСПАТАННЫЙ ЗУБНОЙ БОЛЮ	105
САД КАМНЕЙ	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алфавит. Часть третья. Р – Я

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2023

ISBN 978-5-0051-7741-4 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-7738-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Третья часть АЛФАВИТА. От буквы С до буквы Я

Плюс построчное содержание АЛФАВИТА

Буква С

***

Философема на тему

«Что в землю упало»

Старый тазик оловянный
Я нашел в земле сырой,
Драил в кухне, мыл над ванной,
Я трудился, как герой,
Наконец блеснул он днищем,
Негодящим всё равно...
Для чего в земле мы ищем
То, что в ней погребено?

***

Спутать гения с талантом,
Сатану с простым мутантом
Вроде как и не грешно,
Вроде как бы заодно,
Оба врут, как черти...
Но!
Бес верховный, тот, собака,
Честен, истину поправ,
А талант, простой чертяка,
Полукривдой
Полуправ

***

Сон, господа, не просветленье
Непросветленного труда,
Не горних высей осмысленье,
Не обольщайтесь, господа, —
Усталость, бегство, отступленье.
Бессмысленная ерунда.

В счастливых случаях, да-да,
Лишь негатива проявление.
Да-да, мужайтесь, господа,
Мужайтесь, говорю, шакалы!..

Но иногда, но иногда...

СВЕТОВИД

(Стихи из книги детства «СВЕТОВИД»)

*Точка, точка, запятая,
Минус, рожица кривая,
Палка, палка,
Огуречик,
Вот и вышел человечек...*

*Вышел на крыльцо,
Глянул солнышку в лицо,
Рассиялся,
Рассмеялся,
И пошёл по земле.
По большой, настоящей планете.*

***

*Закричал на бегу:
– Надыхаться не могу!
И какое же вкусное небошко,
И какое же сладкое солнышко,
Синих воздушных —
От души!..*

*И глотал он всю жизнь
Без роздыха
Эти синие пузырьки
Воздуха,
И всю жизнь говорил:
– Хороши!..*

***

*Шёл-шёл по земле,
Глядь – стол.
А на столе
Хлеба целых два куска:
Белый и чёрный...*

*Человечек вздорный
Хочет склеить их бока,
Хлебы мнёт его рука,
Хлебы гладит рука,
Ладит их на века,
Приговаривает:*

*– Из одной земли,
Значит, как ни темни,*

*Значит, вроде родни,
Значит, корни одни...*

Да, вишь, не сладятся они.

***

*Всё глазел в вышину,
Тыкал пальцем в луну,
Масло слизывал с пальца тихонечко
И подлунное,
И подсолнечное.
До рассвета стоял и тыкал,
До рассвета лизал и хмыкал,
– Хороша! – говорил про луну.
А как стало совсем уже рано,
Глядь, на пальце не масло – сметана.
– Ну и ну – говорил – ну и ну!*

Это всё удивленья достойно...

***

*Заглянул человек в озерцо,
Отразилось такое ж лицо,
Как и было на деле —
Всамделишное.
Покачал человек головой,
Поразмыслил над синевой...*

Никуда, однако, не денешься.

*Разбежался, нырнул.
Вынырнул, не утонул!..*

Стал к воде относиться с доверием.

***

*Прыгнул, как дурачок.
Ощутил толчок. —
На планету опять приземлился.*

*Поначалу был глуп
И попробовал – вглубь.*

Снова фокус не получился.

*Походил, побродил,
– Значит так, рассудил:
Невозможно – вниз,
Невозможно – ввысь.*

*Остаётся планетой бродить.
Побродив, можно так рассудить:*

*Зарывайся не зарывайся,
А от почвы не отрывайся!*

***

*Сунил руку в костёр.
Заорал:
– А-а, востёр!
Я с тобой не дружу за обиду!..*

*А потом поостыл,
Сердце поотогрел
И Обиде не подал виду:*

*– Сам совался без осторожности!
Впредь не будет такой оплошности...
И – погладил Огонь.*

И сказала Ладонь:

*– Горячо,
Но ничо.
Значит, будем друзья?
Значит, будем дружить
Ты да я?..*

Так давай свою красную лапицу!

***

*Шёл человек,
Прилёг.
А трава задыхала жарко.*

*– Э-э, поди, не простой уголёк
Раскалил тебя, стебелёк,
Тут – волшебная кочегарка!..*

*Землю выкопал на вершок,
Белый вытянул корешок,
В дырку глазом одним посмотрел —
Чуть от зноя не угорел.*

– Вон откуда огонь свой посасываешь!..

***

*Шёл,
А в упор*

*Толстый забор.
Лает забор,
Не пускает во двор...*

*– Здравствуй, Собака Собаковна!
Вот я пришел познакомиться,
За руку поздороваться,
Как говорится, представиться...
Только, вишь-ты, гремуч забор,
Только, слышь-ты, дремуч запор.
Ну, да что ж теперь? До свидания.
Не случилось у нас братания.
Разделила, мол, эволюция...*

Вот такая нам резолюция...

***

*– Нет, я съем свой куш,
А тебе, брат – иши!
Не должен я солгать пред утробой.
Я и дать бы мог,
Да хорош кусок,
Укушу-ко я, знаешь, попробую...*

*Не гляди ты, тоска!
Ведь не жалко куска,
Да немного мне выпало хлебушка.
Пусть мой брат умрёт,
Пусть со мной живёт
Моя самая правая кривдушка.*

***

*Аты-баты,
Шли солдаты...*

*– Виноваты?
– «Виноваты!»
– Перед кем?
– «Перед всем!»*

*– Дураки вы совсем!
И чего ж вам горевать?
Вам не надо воевать
Просто-напросто...*

*– «Ишь ты, умные какие!
Мы такие, мы сякие,
Нам не надо воевать...*

*А кто вас будет одевать,
А кто вас будет обувать,
А кто вас будет убивать
Просто-напросто?..»*

***

*Самая большая планета – Луна.
Самая большая любовь – тишина.
Самая печаль – полевая полынь
На пыльных губах Валуна.*

*Хочешь – уходи в голубую страну,
Хочешь – до зеркального блеска луну
Белым рукавом натирай,
Или – наполняй тишину,
Или – выбирай!..*

*Может быть, мы жили ещё при Луне?
Может быть, уже убывали во сне?
Кто же это сможет ещё за меня,
Кто бы это знал обо мне,
Жизнь мою заслоня?*

*Или я щемящей не знал тишины,
Если не играли со мной Валуны,
Или – можно всё, и я всё отворю,
Или не поверить мне люди вольны,
Если говорю:
Самая большая планета – луна,
Самая большая любовь – тишина,
Самая печаль – вековая полынь.*

...полынь на губах Валуна...»

***

*С котомкой грачей, весь в отрепьях,
Завалится в город февраль
Бузить и орать на деревьях,
И врать как безумный король.
Снежком, по-весеннему лживым,
Запахнет и воздух сырой,
И жар, побежавший по жилам
Под мокрой и слабой корой,
Весь кратер туманного цирка,
Где старый насмешник и враль,
Культи, колченогая цифра,
Хромает по лужам февраль,
Хмельёк распаляет в гулёнах,
Вздувает стволы фонарей,*

И светятся стайки влюбленных
От мыльных его пузырей!..

***

Среди белых берёз я не лужу увидел в траве, а – зеркало.
Так мерцало оно, так тонуло в июньской траве, в синеве,
Чтооо встал я над ним во весь рост,
И меня пошатнуло:
Был я тёмен лицом.
Был я чёрен душою пугливой.
Был мой контур дрожащ, угловат, и вопрос
Что наделал я в жизни счастливой?
Был единственно прям здесь и прост.
Остальное мерцало, дробилось.
Был мой контур дрожащ, угловат,
И единственное, что пробилося
Через миру перечасный ад,
Это жаркое:
– Не виноват!..

СЕРЕБРЯНЫЙ ЭКСКАВАТОР

Как я пел, заливал без зазрения
В шебутной пэтэушной тоске
Про экскаватор серебряный
На золотом руднике!

Он пронзает алмазными зубьями
Зоны залежей, скалы круша,
И рыжём ослепляя, безумными
Искушеньями сыплет с ковша...

Хохотали ребята с окраины,
Кореша из рабочих трущоб,
Зарывались в мои завирания,
И гудели – гони, мол, ещё!

И я пел, вдохновясь, про машинное
Отделение, всё в зеркалах,
Всё карельской берёзой обшитое,
Бра на стенах, ковры на полах,

И сулил, оборзев, несказанные
Разнарядки, машины с нуля,
Рост карьер, матюки импозантные,
Леваки на погрузке угля...

А достался разболтанный, хлябями
Облепивший весь свой интерьер,
Беззаветный трудяга «челябинец»,
Да песком ослепивший карьер.

Дни тянулись кубовые, трудные,
И кривые, видать, зеркала
Завернули не в золоторудные,
Затянули в иные дела.

Променял я и дива карельские,
И высокий, срывавшийся в крик
Рёв мотора в отчаянном реверсе
На нечаянный пёрышка скрип.

И грустится порой мне, и плачется
Сам не знаю о ком и о чём,
Что за речью, за строчками прячется,
Возникает за левым плечом.

Но мерцает из давнего времени,
Всё зовёт, затонувший в песке,
Мой экскаватор серебряный
На золотом руднике...

СВАТОВСТВО

Скрип берлог.
Всхлип стропил...

Двери заперли,
Столы сдвинули,
Кто-то свет зажёл.

– Скирлы, скирлы, на липовой ноге,
На берёзовой клюке...

Кто-то приходил
И ушёл.

Тёмное пальто.
Тёмные слова.
Снег,
И ни звезды.
След на топоре,
На ноже следы,
Следы на дворе,
У воды,
У реки,
У дороги,
И один —
в крови —
У берлоги...

Разожжёт керосин,
Сядет писать,
Руки просить,
Лапу сосать,
Убиваться печалью,
Зализывать
Рану початую...

Смеётся над ним пьяная,
Такая карга окаянная,
Такая, право, карга!
– Сердце уже деревянное,
А теперь и нога...

А за ней вся изба – га-га-га!..
Мёду поставит —
И лица ясны,
Карты достанет —

И карты красны.
И пригожа, и не груба,
И балует со сбродом отпетым,
А услышит «Скирлы, скирлы...»
– Мужики, отмыкай погреба,
Ставь засады, пришёл за ответом!..
И вздыхает:
– Видать, не судьба...

***

Светает, светает, светает...
Святая, святая, святая,
Ты спишь, разметавшись во сне,
Бормочешь, светясь безмятежно,
Безбрежно, бесстыже, безгрешно,
И грешные губы так нежно
Цветут, раскрываясь в огне,
В огне, в приближенье опасном
К рассвету, цветущему красным,
Красней твоих уст,
И в неясном,
Мучительном, властном,
Ко мне...

СВЕТОТЕНИ

(Жмурки. Прятки. Кондалы.)

Кон первый

Махаюга, калиюга,
Тёмный времени полон,
Махаюга, калиюга,
Бога медленный наклон,
Махаюга, калиюга,
Сочленение времён.
Жизнь и смерть. И снова, снова:
День.
Ночь.
Сон.
И никто нейдёт из круга,
Только тычут друг на друга:
Сива, ива, дута, клён,
Шуга, юга...
Кон!

Выходи!
Води, води!
Вон, вон, вон!..
Это дети угадали,
Закружили мертвеца,
Закружили, закатали
Чёрной тряпкой пол-лица,
Вытолкнули вон из круга
Свет отыскивать во тьме,
Махаюга, калиюга
(Бог кивнул ему в уме),
И он водит, водит, водит,
Ищет пахнувших, живых,
Потому что жизнь воротит
Только тёплой кровью их.
И тогда уж он укажет
И «заложных», и отцов,
И родителей развяжет,
Чары снимет с мертвецов.
«Шуга-юга, чую друга,
Чую кровь и слышу стон,
Шуга-юга, ты из круга,
Всем живым один закон,
Шуга-юга, ты услуга
Если я тебя найду,
Тьму повынуть из испуга
Вспыхнувшего на свету...»
(Бог привстал).
Живого друга

Кажется, нащупал он!
Жива-дива, пуга-юга,
Махаюга, калиюга!..
Кон.

Кон второй

День уходит со двора,
Обновляется игра.
В помочь розыску ночному
Подбирает Чур Чура:
– Был я мёртвым, верь не верь,
Отворил в потёмках дверь,
Только отыскал добычу,
Солнце село. А теперь
Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
– Буду резать, буду бить,
Все равно тебе голить!
Вот я встану на кону
И – тебя перетяну.
Только раз тебя ударю,
А другой раз премину.
Потому, что выйдет – ложь,
Потому, что – оживёшь,
А пока ты мара, голик —
Путь в загробный мир найдёшь.
Там двойник упрятан твой,
Он ни мёртвый, ни живой,
Он – украден, ты – подброшен
В полночь бабою кривой.
И, соломенный хотя,
Хоть подделан ты шутя,
Родной матери воротишь
Настоящее дитя.
Ты его коснешься лишь,
Чары снимешь, оголишь —
Прежде ведьмы кон-колоду
Зачураешь, застучишь.
Ею спрятан он пока,
Ну, считай до сорока!..
(Свет иссяк. На Запад
Бога повернулася рука).
А за месяцем луна
На три четверти черна. —
Одного уже сыскали,
За другим уже послали,
Вот и третий, и четвёртый
Из страны выходят мертвой,
И – отваленный, смурной
Серп сливается с луной.
(Кончена игра. К Востоку

Повернулся Бог спиной).
Смолкла жизнь в глуби окон.
Равновесье. Тёмный кон.
Свет погашен. Смерть иссякла.
Сон.

Кон третий

Во тьме, сровнявшей пращуров, напоздшее из снов,
Осевший огонь поправшее, скривилось время вновь.
Вновь руслом поколенческим огонь из тьмы истёк
(То Бог лицом младенческим повёрнут на Восток),
Вновь утречко за ночкою кольцоет тёмный круг:
Под деревом – цепочкою – стоят за другом друг,
И, насмерть окольцованы, с живых не сводят глаз:
«Кондалы!»
– Закованы?
«Раскуйте нас!»
– Кем из нас?

«Тем, кто зов о помощи вызовет из тьмы —
Помнящим, помнящим высветлимся мы!
Озарённым сонмищем мы прошли до вас —
Солнечным, солнечным разомкните нас!
Мы тут вам поведаем про последний кон,
Тут растут под деревом груди с молоком,
Только нам не велено пригубить сосок,
Только живо-зелено даст нам вечный сок,
И вкусит утробушка млечного огня...
Вы же – наша кровушка, мы же вам – родня!..»
И выходит, воспалённый золотым зазывом их,
Самый первый и зелёный, а за ним – толпа живых.
И летит во все лопатки первый, а за ним, спеша,
Вышедшая через пятки, на Восток летит душа,
Вот сейчас он досочится, в Цепь ударит, и тогда
С ним такое приключится!.. Где он? Что? Зачем? Куда? —
Корчась, он кричит, взывает, бьют его «родные» вдруг!
(Бог задумчиво кивает – довершайте первый круг).
И все кости, как солому, тут ему дробят и мнут,
И глаза в глазницах ломают, и повёртывают внутрь,
Пусть увидит Там что стало с теми, чья нас кружит кровь,
Пусть увидит сам как мало надо всем нам, чтобы вновь
Стать одним живым потоком, протекающем миры,
Если все (вослед за Богом) выйдут в вечность из Игры,
С отпылавшими сольются утолением во плоти...
И тогда уж все напьются из Родительской груди.
Нам едина твердь отрадна – по родной вселенной плыть,
Потому, что смерть – неправда, и её не может быть,
Потому, что жизни древо с древом мира сращено,
Мы – и справа,
Мы – и слева,
Мы – окрест,
И мы – одно,
И одну под ним на деле (на кону и на миру),

Мы ведём от колыбели тёмно-светлую игру,
Наши предки, наши внуки слиты все в один поток
(Бог допил огонь на Юге. Выпил Запад. И Восток.
Жарко пошептал у кона, с углей пепел сдул седой,
И на Север – непреклонно – встал, сияя, под звездой,
Створ, кривимый тёмным камнем – *временем* – отверз от пут...)

...и дети чистым пламенем
К Родителям плывут,
И чары расколдованы,
И проступает Суть,
И кондалы раскованы,
И млечен тёплый путь.

.....

ЮНОСТЬ. СЦЕНА. ДОРОГА

Цикл стихотворений

.....

ЧУГУНКА

Жрал бренди, дрался в тамбуре, продул
Мослы насквозь, осенний свист в колене.
Поля, поля... протёр стекло – в долине
На бугорке стоял домашний стул.
Изрядно, я подумал. И хотел
Сойти.
Но передумал.
Надо ехать.
...а кроме – все мы свиньи!..
И завыл
Чугун тоскливый в поле. За державу
Обидно. Но впендюрил хорошо.
Что хорошо, то хорошо. В сопельник.
И в ухо. И ещё, на посошок,
И встать помог...
Ну вот, опять завыл,
Опять тоскует, сволочь...
Ехать надо!

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЕРЕДЕЛКИНО

1.

В.А. Антонову

Воскресный день. Особо резки
Жилые запахи Москвы.
Костры в сухом, дубовом треске
Похоже, жареной листвы.

В волненьи, с детства незабытом,
Закрутит и тебя струя,
Водоворот цветных событий
И разноцветного тряпья.

А дверь, качнув свои пружины,
Дубовой лопастью гребя,
Сгребет тебя из середины
И затолкает вглубь себя —

Вослед пилястрам и колонкам,
Где дунет нежно и остро
Духами и одеколоном
На эскалаторе в метро.

Мигнёт зелёная иголка,
Нить перекушена во рту,
Свист разрываемого шёлка
На полукомнатном ветру,

И электричка на панели
Вздыхает жадно духоту,
И рылом роется в тоннеле,
И гложет рёбра на мосту...

2.

Плывет состав торжественный, нескорый,
И ты в расположеньи неплохом,
И сам живой, и жив поэт, который
Тебя поддержит шуткой и стихом.

Он здесь, в бору прижился полупьяном,
Не пишет писем, курит и молчит,
За ундервудом, как за фортепьяном
С подстрочником ругается, ворчит,
Рифмует и по клавишам стучит.

Он хмурит бровь, прикидывая наспех
Какое-то ершистое словцо

И машет, согласясь – всё курам на смех!
Уговорит себя и трёт лицо.

Здесь за окном осенние зазимки,
Туманно солнце, кладбище в дыму,
И гений, как тогда, на скверном снимке,
Совсем уже неотличим ему.

...ни очевидцам, ни провинциальным
Провидцам, мастерицам повивальным
Не свить в такой сорочке звукоряд...

Здесь три сосны над камнем погребальным
С вечернею звездою говорят.

А в комнате табачной и угарной
Наш старый спор из щёлки воздух пьёт,
И томик! мифотворца антикварный
Нам на ходу sluкавить не даёт.

3.
Опять толчея и возня,
Полижут железо колеса,
Лишь сплюнут ошметки огня
На том повороте с откоса,
Где мельком три сонных стекла
В затоне ночном отразятся...
Цепочка огней утекла
Шрифтом светового абзаца.
И пусть в тебе тает как свет
Сомненье и полунаитье,
Ты буква, бегущая вслед
Провалам в ночном алфавите.

***

Счастливые люди сидят в электричке.
А мы сигареты изводим и спички,
Изводим в квартире денёк по привычке,
А в той электричке, о, в той электричке
Счастливые люди сидят с рюкзаками,
Фасонит охотник перед рыбаками
Чехлами, ремнями, литыми курками,
А те удилищами и поплавками
Форсят перед ягодниками, грибниками...

Поляны мелькают в окошке вагонном.
Леса возникают за тем перегоном,
Где мы, как счастливые добрые люди
Назло табаку, алкоголю, простуде

Когда-то сходили и в лес проникали,
Ложились в траву, к роднику приникали,
И счастливы были, хотя не искали...

А ныне мы ищем высокого смысла,
Пытаем слова, исповедуем числа,
Глобального счастья уныло алкаем,
И сами тропу себе перебегаем...
А в той электричке, зелёной как юность,
Нет смерти, есть август, июль есть, июнь есть,
Вернуть бы, догнать бы, рвануть бы у склона,
Схватить бы за хвост, словно ящерку,
Словно
Зеленую ящерку...

СЦЕНА. ГАСТРОЛИ

(Монтировщик сцены в Казгосфилармонии).

***

*Вагоны затоварены,
Вперёд, по городам,
Сценарии, аварии,
Хожденья по рядам...*

1.

Кулибину-грузчику

Старенький, разохшийся настил,
Вмятины от грузного рояля.
Он своё сегодня отслужил,
И теперь в чехле, как в одеяле.

Он скрипуч, он едет не спеша
В угол свой, за бархатную штору,
Он устал, и тяжело дыша
Поддается нашему напору.

Зал недавно отрукоплексал.
Вьётся «арлекин», как легкий шарфик.
Тонет люстра. Тает свет зеркал.
Стонут струны тоненько на арфе.

Час опустошённый торжества.
Мерно на тросах скрипят штангетты.
Лампочка юпитера мертва.
Спят басы в чехлах, полуодеты.

Вьётся пыль недавней суеты,
И к утру в программе перемены.
Как значки скрипичные, «пульта»
Заполняют половицу сцены.

2.

Феде-шофёру

Чунджинская дорога. Медовая гора.
Пробита диафрагма. Сигналят шофера.
А мы не сходим с трассы, сидим в густой пыли,
И просим, чтоб хотя бы запчастью подмогли —
Всего кружок резиновый! Который час стоим,
Пропахшие бензином, о жизни говорим.
В фургоне, в латах цинковых, концертный инструмент.
Весь мир – жлобы и циники... шофёр, один момент!
Куда там, усмеваются, в пыли два дурака.

А воздух замечательный. А под горой река.
Ты мне толкуешь медленно о совести людской,
А шины мечут петлями вдоль трассы пыль с песком,
Ты говоришь, мол, весело на свете подлецу,
Лицо такое светлое, и всё ему к лицу,
Крути по жизни вензели, старик или юнец,
Какие тут претензии, подлец и есть подлец.
А время тянет ленточку, и срок уж невдали,
А шоферне до лампочки, а мы сидим в пыли...
Вдруг тормоз. Взвизг резиновый. Безусый паренёк.
Кружочек апельсиновый – в пыли, у наших ног.
И мы опять, фартовые, дорогу колесим,
И диафрагма новая качает нам бензин,
И рассуждать помедлим мы о всяком, о таком,
И шины мечут петлями по трассе пыль с песком...

3.

Ольке-зрительнице

Над уровнем страсти помост деревянный.
Ступенька таланта. Граница судьбы.
Ты, лирик нетрезвый, ты, трагик румяный,
Шажок с авансены – и вы не рабы
Раскрытого вашим же словом поступка,
Проступка и жеста, который уже
Не скроешь, ведь всё, что ранимо и хрупко,
Уже на виду, а не там, на душе.
Да только я сам захожу в эту сутемь,
И девочка слушает. Кресла пусты.
Она мои тёмные речи осудит,
Чего не осудит, того не простит.
Она понимает, что это надолго,
И помнит всё то, о чём я позабыл.
Я должен сойти к ней, я знаю, что должен,
Но сцена меж нами! Полметра судьбы.
Я эти большие глаза в полумраке
Согреть не словами, губами хочу,
Потом их уже не согреешь...
От рампы
Лишь бедное слово плывёт по лучу.
И страшен скрипучий барьер деревянный,
И шаг невозможен туда, в пустоту,
Где ты нереален – один, безымянный...
А тень всё жива ещё там, на свету.

4.

Митричу-баритону...

Помотало тебя по казённым дорогам,
Баритон ясноглазый, гуляка, фразёр,
А теперь вот сидишь у меня, ненароком

Подбиваешь опять на «мужской» разговор.
Ты судьбу расписал мне, привычно чудача,
За бутылкой вина в небольшом городке.
Угощаю бродяг. Сострадание прячу.
Раскрываются души спьяна, налегке.
Твой недопит стакан. Ты допей и запой мне
О лучине, о келье сырой, гробовой,
Эту песню я тоже, я тоже запомню,
Допью, додышу её вместе с тобой.
Будет много ещё полустанков, и сухо
Жизнь на круги своя нас опустит, как лист.
Это всё суета и томление духа,
Как говаривал в прошлом один пессимист.
Только ты не срони эту песню, хотя бы
Потому, что врачует порой и тоска,
И покажутся глаже земные ухабы,
И безоблачней свод, и светлей облака...

***

Мальчик рос на станции Сормово,
Много видел растения сорного,
Кто-то рванул сто грамм,
Кто-то рванул стоп-кран,
Санкции, санкции...

Станции.

Город Сарапул
Горло царапнул.
Ценами цапнул...

На пол,
Подлы, летели патлы,
Кудлы, бретели...
Падлы.

– Скука, мадам?
– Сука, не дам!..

Санкции, санкции...
Станции, станции...

В карту ткнул. Нагадал.
Магадан.

Вычегда... Пачелма...
Станция Мячина... Маячная станция...
Промаячила.

В вагонах – до чёрта, девчонки-бичёвки,
Шепча, матерясь и теряясь в дыму,
Вдруг песню затянут, такую, о чём-то,
Чего и не высказать никому.

Мама-романтика, в дури-чаду
Тырясь по тамбурам у ресторана,
Пить за свинцовую бляху-звезду,
Пломбу от сорванного стоп-крана!..

Как это вышло, сыны-шатуны,
Крестики-нолики, правнучки-правнуки,
Дети побед, межпланетные ратники,
Спутники-винтики, путники-ватники...

Всем задолжали с минувшей войны.
Всем, бляха-муха, должны!
Шатуны...

***

Я вижу лёгкость необыкновенную
В рабочих, асфальтоукладчицах
В тужурках ослепительных, оранжевых,
В монтажнике, парящем над столицей
Когтистой птицею, в сутулом сварщике,
Вдруг озаряющем столицу синим пламенем
И брызгами златыми...
Почему
Не вижу я вот этой самой лёгкости
В чиновниках?
Не знаю почему...

***

Разжимаясь и пружиня,
Напрягался, провисал
Пауком на паутине
Экскаватор на тросах,
Пережёванные кубы
Разминая под собой,
Грузно о вставные зубы
Шлёпал нижнею губой,
Грунт лоснящийся
Кусками
Взвешивал, как на весах,
Зубья съеденные скалил,
Взвизгивал на тормозах,
А за ним, как кружевницы,
Стлали, словно из слюды,
Две сестрицы-гусеницы

Маслянистые следы...

***

Как я пел, заливал без зазрения
В шепотной пэтэушной тоске
Про экскаватор серебряный
На золотом руднике!

Он пронзает алмазными зубьями
Зоны залежей, скалы круша,
И рыжём ослепляя, безумными
Искушеньями сыплет с ковша...

Хохотали ребята с окраины,
Кореша из рабочих трущоб,
Зарывались в мои завиранья,
И гудели – гони, мол, ещё!

И я пел, вдохновясь, про машинное
Отделение, всё в зеркалах,
Всё карельской берёзой обшитое,
Бра на стенах, ковры на полах,

И сулил, оборзев, несказанные
Разнарядки, машины с нуля,
Рост карьер, матюки импозантные,
Леваки на погрузке угля...

А достался разболтанный, хлябями
Облепивший весь свой интерьер,
Беззаветный трудяга «челябинец»,
Да песком ослепивший карьер.

Дни тянулись кубовые, трудные,
И кривые, видать, зеркала
Завернули не в золоторудные,
Затянули в иные дела.

Променял я и дива карельские,
И высокий, срывавшийся в крик
Рёв мотора в отчаянном реверсе
На нечаянный пёрышка скрип.

И грустится порой мне, и плачется
Сам не знаю о ком и о чём,
Что за речью, за строчками прячется,
Возникает за левым плечом.

Но мерцает из давнего времени,

Всё зовёт, затонувший в песке,
Мой экскаватор серебряный
На золотом руднике...

На карьере, на закате

Будто бредит грузный варвар
Вгрызом в сахарны уста,
Будто грезит грязный автор,
Пласт оральный рыть устав,
Церебральный экскаватор
Дико вывихнул сустав.
И торчит, сверкая клёпкой,
И урчит, срыгая клёкот,
Будто грезу додолбил
Засосавший вкусный локоть
Цепенеющий дебил...

***

Домик тот деревянный, маленький
Так мешал тракторам!..
Огонёк зажигался аленький
В доме маленьком по вечерам,
Занавеску качали кошки,
Проползавшие под крыльцо,
А иногда в окошке
Загоралось чьё-то лицо.
Так и жили. И помешали
Многотонным, из кирпича —
Экскаваторы наезжали,
Шеи вытянув, бормоча,
Напластали землищи, травы
Перегрызли, перетолкли,
Проложили через канавы
Трёхсотлетние горбыли,
Полпудовые гвозди вбили
В деревянные их сердца,
И засыпали... и забыли,
Что засыпали полкрыльца.
Так уж вышло, и получилось,
Что нельзя в этом жить дому...
Только в доме лицо светилось
Незнакомое никому.
Люди грустными покачали
Головами, точно во сне.
Кошки к дому ползут ночами.
Нехороший огонь в окне.

***

Какие лица лепит Бог!
Фарфоровые, роковые,
Картофельные, восковые,
Сырые, мятые, кривые...
Я перечислить всех не мог
Пока, невозмутимо-бодр,
Со дна метро, как экскаватор,
Вычерпывал их эскалатор...

Народонаселенья смотр!

Значенья тайного полны
Всходили и смеркались лица.
Зачем? В каких вселенных длиться?
В каких туманностях весны?

И уплывали в полутьму...
Зачем, кому нужны такие?
А всё кому-то дорогие,
Непостижимые уму.

***

Сенека, аккуратнейший мудрец,
Чужие подбиривший мысли, понял:
Их авторство – фантом, и свой ларец
Бесхозными сокровищами наполнил.
Метали Марк Аврелий, Эпиктет
Словесный бисер свиньям, Но Сенека
Не глупый боров, и авторитет
Так не ронял. Он знал, что власть и нега
Лишь распрягают волю, и спрягал
Разрозненные мысли в честный узел.
Он «Письмами Луцилию» не лгал,
Когда мятежный хаос нежно сузил.
Вводил мораль. И пантеизм крепил. —
Так уложил в единое пространство,
Что личное с общественным сцепил,
За что был назван «дядей христианства».
Ах, младостоик, странный человек,
И безучастность духа, и пристрастия,
Всё он скрепил судьбой своей навек.
Матерьялист. И соискатель счастья.
А между тем, как воды, времена
Уже шатались, выло время Оно,
Жглись мучеников новых имена
Сквозь ветхий лёд Хрисиппа и Зенона.
И без упрёка следуя судьбе,
Когда раскрылся заговор у трона,

Не кланчил стоик милости к себе
Как воспитатель юного Нерона.
Был милосерд тиран и ученик,
Не предавал учителя на муки,
По-царски рассудил – пускай старик,
Сам на себя, глупец, наложит руки.
Награда не из худших, что уж там
Ни говори, тем более – какая
Возможность испытать своим мечтам
И принципам предел их, истекая
Блаженством напоследок, сознавать
Что всё прошел, всё поднял, что без дела
Валялось, и всецело пребывать
Ещё вне духа, но уже вне тела.

Пояснения (Для энциклопедистов и милиционеров):

Стоицизм – философское учение, возникшее в конце 4в. д.н.э. на базе эллинистической культуры. Стоики считали, что счастье – в свободе от страстей, в спокойствии, равнодушии. Все в жизни предопределяется судьбой. Кто этого хочет – того судьба ведет за собой, сопротивляющегося – ведет насильственно. Стоики различали истинное и истину. Воистину существуют только тела. Истинное же бестелесно и не существует. Истинное – это только высказывание. Учение, близкое материализму.

Хрисипп (281 – 208 до н. э.), **Зенон** (Зенон младший, 336 – 264 до н. э.) – основатели стоицизма.

Сенека (Луций Анней Сенека, младший. Около 4г. до н. э. – 65г. н. э.)

Марк Аврелий (римский император, философ), **Эпиктет** – яркие представители позднего римского стоицизма.

Нерон (37 – 68 н. э.) – римский император, воспитанник Сенеки.

«Дядя христианства» – так Ф. Энгельс называл Сенеку.

***

Сигареты припаливал одну от другой,
«Амареттой» опаивал опоённых тоской
Золотых, фосфорических, феерических сук...
Говоря риторически, жить – подтачивать сук
Под смиренной основою суверенного»Я»,
Под свирепой, сосновою прямизной бытия.
Только кто же их всучивал, эти миры,
Эти правила сучьи, законы игры?
Я к себе снисхождения, видит Бог, не прошу,
Но в процессе падения всё же скажу:
Как стяжать было тварную высоту светосил
Между скверной и кармою, в разборках мессий?
Как стезю было некую взять в ристалище том
Между Буддой и Меккою, Зороастром, Христом?..
Разве с Господом спорю я? Разве с дьяволом тшусь?
Это их территория. Тварь так тварь. Опрошусь.
Не терпя полумеры, жизнь ещё опростит,

Отвратит от химеры по имени стыд.
Двинусь тропкой нетрезвою, не вставай поперёк,
Я хороший!.. (В норе своей хорош и хорёк),
Буду пьянствовать, скуривая одну за другой,
Деградировать с курвою на дорогой,
На дешёвой земелюшке (Боже, прости),
Принесу свои маленькие в горсти
И скажу:
Не в предвечной обители,
Среди вечных времянок беда,
Поглядите же, победители,
Поглядите же, поглядите же,
Поглядите, волчары, сюда!..

***

Сирень за пыльным перегонном
Ломилась в окна с двух сторон,
И выползал с протяжным стоном
Состав на старенький перрон,
Где два дружка, устав до чёрта
От ласк дорожных, обнялись
С попутчицами, и девчонки,
Прощаясь, в чём-то им клялись.
Старухи продавали раков,
Совали в руки, торопя,
Крылечки высохших бараков
Купались в роскоши репья.

Отодвигалось всё, пылило...
Но и доньше – почему? —
Не знаю, всё стоит, как было,
В сухом, сиреневом дыму.

СИРЕНИ

В сирени есть что-то волшебное,
Сирень, это юность земли,
Изыдите прочь, оглашенные,
Блаженные свечи зажгли!
За крестиком крестик, бордовые,
Серебряные огоньки.
Тяжёлые чаши медовые
Мерцают, как сон, глубоки.
Но видеть такое не всякому,
Не всякую пору дано.
Смеркаются чаши.
Иссякнули.
Погашена служба. Темно.

СКАЗАНИЕ О БЛАЖЕННЫХ ОСТРОВАХ

На морском берегу, на глухом берегу,
Там, где тучи грузны, низки,
Нагоняя страх, наводя тоску,
Жили вольные рыбаки.

Не платили дань, не трудили рук,
Их одежда была сухой.
Только в полночь в дверь раздавался стук,
На аботу звал голос глухой.

Шли на взморье они, где цепями звеня,
Ожидали пустые ладьи.
И садились они, и судьбу кляня,
Брали чёрные весла свои.

Только те ладьи были так пусты,
Словно тучи перед бедой,
Шли, кренясь, и едва не черпнув воды,
Лишь на палец шли над водой.

Они шли за час ночного пути
То, что можно за день, за два,
И всходили мрачные их ладьи
На Блаженные Острова.

И, сверкнув невиданной белизной,
Их невидимые судоки
Удалялись неслышимо в край иной,
Где сиянья щедры, легки.

Но про этот край, про сияющий день
Не нужны на земле слова,
Ибо строго ложится иная тень
На Блаженные Острова.

А ладьи, подпрыгивая на волне
Как яичная, лёгонькая скорлупа,
Уходили прочь, к родной стороне,
И гребцы глядели вдаль, как во сне,
И вела их к дому, узка и скупа,
От разбитой луны тропа.

И кляли судьбу, возвратясь в дома,
И в бессилье смолили дно,
Только вновь опускалась в ночи корма,

Только голос звал всё равно.

Ибо каждому свой на земле улов.
Долгим грузом земля жива,
Только этот груз – за пределом слов.
...и зовут, и зовут Острова.

СКАЗКА О ВОДЕ

Первая вода —
Мёртвая вода,
Землю вынет
Из-подо льда:
«Ты лежи, земля,
Земля мёртвая.
Земля стылая, непокрытая,
Заноси в тебя ветер
Прохожий свист
Да пожухлый
Негожий лист.
Я – небесная вода,
Предвесенняя вода,
Самый первый дождь
В холода,
Это я тебя вынула из-подо льда,
Это я тебя бросила в дрожь!..»

А вторая вода —
Живая вода,
Ниоткуда
И никуда:
«Ухожу зимой,
Прихожу весной,
Согреваю в стынь,
Остужаю в зной,
Я и знахарь земной,
Я и дождик грибной,
Я все раны склею твои, земля,
Забинтую твои поля
Травкой шёлковой, наливной,
Я – весенний дождь
Проливной...»

Так живут две воды на Земле:
Мёртвая окропит,
Живая оживит.
Поднебесные воды, господние.
А подземная вода —
Человеческая.
В реке – журчит,
В роднике – молчит,
По колодцам бадьёй стучит...

А в болотах – беда,

По болотам – трава,
И вода
Ни жива ни мертва.
Это сумерки человеческие.

Постарел человек —
Постарела вода,
Постарела Природа. Заржавела.
Нам такую – пить, нам такую – петь,
Нам бы главное
Не отчаяться,
Есть ведь мёртвая вода, есть живая вода,
Может, выручат, может, вымогут —
И такое, бывает, случается...

СЛУХИ

Лёгонько времечко было, и плавали,
Точно кувшинки над тёмной водой,
Лживы ли, кривы ли, правы, неправы ли,
Слухи досужей своей чередой.

Слухи про всё, чего сроду не видывали,
Как не знавали богатого нищего,
Слыхом не слыхивали, а завидовали,
Грёзы, как деньги, мусолили тыщами.

Вился меж стен, выше крыш, выше звонниц
Слух про того, кто вынослив, как вол,
Кто пятерых знаменитых любовниц
За ночь одну до безумья довёл.

Шёл по ушам тёмный слух про исчадь,
Про голубую какую-то тень,
В кривоколеньях искавшую счастье,
Всюду шатавшуюся набекрень.

«Вон – говорили – охотник на счастье,
Видно, шататься за счастьем не лень,
– Слышали, счастье?
– Слыхали отчасти...
– То знаменитый охотник на счастье!

А счастье, как тень, это странное счастье,
И осторожно оно, как олень.

.....

А счастье удивлённо, по-оленьи,
Ловило слухи, пугано, не в такт,
Что есть на свете горе и томленье,
И не могло понять – как это так?..

Ах, что за блажи кружили и тешили,
Солнышком лёгким, как хмель, зашелушенные,
Вились, шуршали, дрожали и нежили...
Слухи-то, слухи какие – заслушаешься!

***

Страшон оставленный мужик,
Наобещавший самке шик,
И музыка его вжик-вжик
Страшна и весела.

Смешон хромающий вожак,

Как постаревший, жуткий жук,
Покуда стая, сбив кружок,
Его не сожрала.

Мужик хватается за нож,
Вожак вгоняет стаю в дрожь,
А ты не плох и не хорош,
И рожей так себе,
И не вожак, и не мужик,
Шатун, болтун, ошибка, пшик,
Цigarка на губе...

СКВОЗНЯК

А, это ты опять... да кто бы вас отвадил!
Он там, где слышат всё, любой кривой шажок,
А вы слетелись тут, как вороны на падаль,
Да-да, мой дорогой, и ты, и твой дружок.
Вы все ему друзья! Так дайте ж мне отвагу
Не обозлить его, и не играть с огнём,
А если я с тобой в одну кровать и лягу,
То я тебя люблю. И ты молчи о нём!
Как возмужали вы, как вы заговорили,
И это вы, лжецы, про мужа моего?
А он ведь мне не враг, и он лежит в могиле,
Он умер, знаешь, он...
не помнит ничего.
А я боюсь одна, мне холодно и худо,
Сожги меня, скорей, сожги меня в огне,
Согрей меня!
Сквозняк...
Наверное – оттуда.
Но он незряч, и он
не знает обо мне.
Я помню этот жест, он точно также платье
Срывал, и остывал – точь-в-точь, рука в руке...
А, это ты! Ты – месть, ведь ты и есть проклятье
Всю жизнь шататься на
прицельном сквозняке.

***

Сколько же правда Твоя горяча,
Господи, коль так могучи враги,
Спрячутся в ночь от прямого луча
И – ни гу-гу. Ни копыта, ни зги.
– Даруй же, страждущему от жажды, ключа!..
– Путнику, бредущему сквозь снега, помоги!..

Господи, битва глухая темна,
Разве под силу узреть где враги?
Правда Святая, она ли видна
Малым сим, шурящимся из-под руки?
– Даруй же, молящему о забвеньи, вина!..
– Путнику, бредущему сквозь снега, помоги!..

Милостив, милостив буди хоть им,
Не разглядевшим в тумане ни зги,
От укоснения ли, Боже? Таим
Путь Твой высокий. Сокрыли враги.
– Озари же их, Господи, пресокровенным Твоим,

– Путнику, бредущему сквозь снега, помоги!..

Холодно, Господи, здесь... холода
Сердце сковали, забрали в тиски.
Как тут не взропщешь? Не видно ни зги.
Только не ропшет. Бредёт... а куда?
Молча шатается, свет из пурги
В ночь иссекая – любви и тоски
Свет покаяный...
Ну хоть иногда
Путнику, Господи, путнику – да! —
Путнику, бредущему сквозь снега,
Помоги!

СОКРАТ ОПРАВДАНЫЙ

Не тяготись вердиктом уголовным,
Гляди на бред условностей шутя,
Признали же Сократа невиновным
Всего тысячелетие спустя.
Как, впрочем, и других ещё...
Хотя
Ещё смешней тот бред считать условным.

***

Сколько слов для двоих в языке,
А дорога одна на двоих.
Запетляю по тихой реке
Откровений нечастых твоих.

Славно в лодочке плыть-уплывать,
Про хорошую жизнь напевать,
И тихонько грустя над рекою,
Нехорошую жизнь забывать.

Ты из вечно тоскующих слов
Выбираешь такие слова,
Что опять я с тобою готов
Волноваться и плыть в рукава.

Славно в лодочке плыть-уплывать,
Про хорошую жизнь напевать,
И тихонько грустя над рекою,
Нехорошую жизнь забывать.

Там у берега тропка одна,
Ой темна, в чернолесье зовёт!
Но светло окликает волна,
Да и лодочка славно плывёт...

Славно в лодочке плыть-уплывать,
Про хорошую жизнь напевать,
И тихонько грустя над рекою
Нехорошую жизнь забывать.

***

Скрипучий ворот четверга
Выматывал, как из врага,
Все жилы из меня.
И вымотал вконец, когда
Взошла, как мутная среда,
Луна средь бела дня.

И мёртвый вторник всплыл опять,
Год, по неделе, двинул вспять,
Долями солнц делясь.
Лишь Воскресенье – круг и крест —
Не пало в дол из дальних мест,
Сквозь павших странно делясь.

Суббот и пятниц рой кипел...
А чёрный ворот всё скрипел,
И пламень жёг ладонь,
И четверговая звезда
Сверкала, как из-подо льда
Блуждающий огонь...

***

Слезам баб на чёрном перегоне
Подземки, загложнувшей духоту,
Под пение юродивой в вагоне
Про сироту, былинку-сироту,
Старухой, потерявшейся в собесе,
Обиженной недобрыми людьми,
И выплакавшей все свои «болеси»
Чужим, но людям, людям, черт возьми!
Той верой в человеческую милость,
Слезинкой затаенного родства
Запомнилась ты мне и полюбилась,
Снежком меня встречавшая Москва.
(1970)

***

Слизняк —
Это просто улитка,
Бросившая свой домик
На произвол судьбы.
Сухой, костяной домик,
Убежище и неизбежность,
Вселенная, горб
И гроб.

Слизняк —
Это перебежчик
В лагерь сырой природы.
Сладчайшие лабиринты
Таят для первопроходца
Глюкозу, райский зной.
Законы круглы у шара,
Всё сводится к сердцевине,
Всё сводится к тёмной, певучей

Зерна лубяной колыбельке,
Всё сводится именно к сердцу...

О, яблока влажный шар!

Слизняк,
Погубивший домик,
Приносит воспоминанье,
Прикрученное к спине.
Он ползет сквозь яблоко, горбясь,
Впивается мягко в сердце,
Взваливает на плечи
Наливной, сияющий шар...
Не выдержат плечи,
Дрогнут,
И он рухнет с яблоком вместе
С высокой ветки
На землю,
На плоский земной шар,
На сломанный старый домик,
Похожий на пустое сердце,
Позабывшее как стучать.
А яблоко стучать умеет
Всего лишь головой о землю,
И плачет слизняк —
Улитка,
Выставленная за дверь.

СОНАТории. ЛЕТОпись

.....

СОНАТория №1.

31 августа 2019 г.

ФОНАРИК-КАЛЕНДАРИК

День, и сезон перевалит на осень.
Кончился август. Милости просим.
Свечение лиц. Светофоры любви.
Лист наливается светом...
Лови!

.....

СОНАТория №2.
1 сентября 2019 г.

БАССЕЙН

Дни сентября, как бронза, тугоплавки.
Бассейн сегодня. Вспомнил, дома плавки.
Среди семейных, всё с собой имейных,
Плыву в трусах.
Однако, бессемейных...

СОНАТория №3.
2 сентября 2019 г.

ПРУД

Сегодня пруд.
О блеск! О прелесть!
Долой купальников опрелость,
Вольготней натурально, дамы,
Мадамы,
Сэры,
Господамы...
.....

СОНАТория №4.
3 сентября 2019 г.

В СТОЛОВОЙ

Днесь за обедом восхищён был бабкой.
Так страстно возмущалась курьей лапкой,
Трубила в зал, как Бабкина в эфир!..

И костылём смахнула мой кефир.

.....

СОНАТория №5
4 сентября 2019 г.

РИТУАЛ

Сегодня снова пруд. Прелестна
Купель сия. Уже известна
Стезя подводная. Нагой,
Ступени трогаю ногой...

Как Цезарь мрамор дорогой
Бывало трогал. Но – рукой...

.....

СОНАТория №6.
5 сентября 2019 г.

МОЧАЖИНЫ

Сегодня было небо низко.
И потому казалось – близко.
Хотел до туч достать рукой,
Достал до облака.
Ногой...

.....

СОНАТория №7.
6 сентября 2019 г.

СОНАТОРНЫЕ ДЕЛИКАТЕСЫ

С одышкой, тяжко, топает собака...
Потом, шурша листвой, чуть слышно, кошка...
Зачем, куда? Там выгребная бяка,
От кухни в тёмных зарослях дорожка,
И – золотой овраг...
«Спецхран» с деликатесом.

Не суйся со своим цивильным политесом.

.....

СОНАТория №8.
7 сентября 2019 г.

СЕРВИС

Спроси про сервис, врач заистерит:

– Грязь продана, бери озекерит!

Разльбится директор широко:

– Специалиста нету для «Шарко»...

«Не грязь ты, сука (демос костерит),

Россию продал, мать твою едрит!..»

.....

СОНАТория №9

8 сентября 2019 г.

ЛЮДИ КРУЧЕ

Экскурсии роскошные: «Парк птиц», —
Оглохнешь!
А «Парк бабочек»? —
Ослепнешь
От медуниц, лимонниц, огневиц...
А «Парк камней»?
Задумаешь – не слепишь.

Но круче всех и тут, до зрелищ лют,
К ларькам праздношатающийся
Люд...

.....

СОНАТория №10.
9 сентября 2019 г.

У МАССАЖИСТА

Казалось, блин – в ноге осколок
От перелома со смещением...
А нужен был – КИНЕЗИОЛОГ!!!
(Узнал словечко со смущением).
Теперь в Москве искать спеца.
Массаж – стопы,
А не крестца...
.....

СОНАТория №11.
10 сентября 2019 г.

НА РОССТАНИ

Прости, любезный пруд. Прощанье тошно
С купелью, где как ангел...

Пруд не то что
Бассейн, где лишь ненастьями бывал,
В трусах, как в парусах враздув, плавал.

И я бывал Адам...
Я был в таком краю.
Там не было ни жаб, ни тины... как в раю!
Там свет гулял тишком,
Там гром бродил баском...

А я ходил – по травке – босиком!

СОНАТория №12
11 сентября 2019 г.

ДОГОРЕЛ КАЛЕНДАРИК

Дни дарили – то солнцем,
То лукавым поклонцем
Тёмной тучки, блистая,
Разгораясь, взлетая.
А заря то вставала,
То низилась грозно...
На листву наплывала
Сентябрьская бронза,

И горел, как фонарик,
Отрывной календарик,
Догорал...

Догорел календарик-фонарик.

До свидания...

***

Смеркается. В городе осень. К оврадам
Деревья склоняются, и молодой
Кружочек луны проплывает над садом,
Как будто кувшинка плывёт над водой.
Опять здесь затишье. Мне это знакомо.
Сейчас из оврага запахнет вода,
А дальше, над крышей белёного дома,
Над старой скворешней очнётся звезда.
Здесь листья траву устилают, старея,
Их медленно жгут вечерами в садах,
И в синем дыму ещё слаще, острее
Осеннею яблонью воздух пропах.
Холодные горы в прозрачном тумане.
Взрослеет луна. Над горами светло.
А здесь, за оврагом, в низине, в бурьяне
Огни переулков предместье зажгло.
Я в сад постучусь. Мне откроют калитку,
Листву отряхнут и протянут в руке
Два крепких плода и сухую улитку,
Уснувшую на золотом черенке.
Негромко листва захрустит меж стволами,
Растает в осеннем саду пальтецо,
И словно ручное, гасимое пламя
За дымкой, во мгле, отмерцает кольцо.

СНЕГ В ДЕТСТВЕ

(простуда)

Теперь уж он и в радость,
Январь тот, и навек
Повёрнутый на градус
Прямой, подробный снег.

Упругими шарами
В висках грохочет ртуть,
Кровавыми пирами
Ползёт по сказкам жуть.

На печени гадают,
Открыв, как люк, ребро,
По блюдечку катают
Крутое серебро.

Все царства-государства
В испарине, в огне,
В тумане. Пью лекарства.
Читаю в полусне.

Под мышкой тает нежно,
Царапая слегка,
Термометр, прозвеневший
О никель шишака.

С кровати поднимаюсь,
Брожу, полураздет,
Всё жду чего-то, маюсь.
Чего-то нет и нет.

Плывёт в окно густая
Дыханья теплота
Игрушкою китайской
На ниточке у рта.

Один, у подоконника,
Больной стою, тайком,
Дышу морозцем, в тоненькой
Рубашке, босиком.

И тут Он как западает,
Формованный, прямой!..
Сугроб стоит за памятью.

Стоит Зима-Зимой.

***

Снег пошел линять и таять,
Серым исходить парком,
Свет пришёл играть и заять,
Прыгать солнечным зверьком.

Со стекла – на подоконник,
С подоконника – в трюмо...
Что ж ты, зайчик, беззаконник,
Глаз косишь в моё письмо?

Там ворочаются злые,
Вспомнившиеся едва,
Бледно-синие, гнилые,
Невесёлые слова.

Там весна не наступает,
Там горой стоит зима,
Там обида закипает
В тёмных пропастях ума.

Не случайно зайчик, видно,
Глаз в письмо моё скосил,
В корень самый ядовитый
Усик солнечный вонзил.

Что же я такой кручёный,
Перекрученный зимой?
Зайка, зайныка, зайчонок,
Солнечный, хороший мой!

***

Снеслось яйцо золотое. Пекло стоит в терему.
К чему яйцо золотое? Никто не знает к чему.
А человек, он наивный, золото он не любит,
Любит цыпленка, кошку. Просто, нипочему.
Впрочем, и человечка. Впрочем, и денежку тоже,
Ежели понемножку жизнь не портить ему.
К чему яйцо золотое? Червонное, непростое,
Грех один и печаль.
Мышку зачем-то позвали,
Для чего-то яйцо расщепили,
А что доказать хотели?
А черт его знает что!
«Несёшь им яйцо простое, закричат – опять золотое!
Закричат, и опять не то...»
Жалко курочку рябу.

Жалко рябую бабу.
Бабе жалко дитятю.
А боженьке жалко – всех.
Вот и утро опять раскололось.
Вот и полдень. И рожь размолотась.
Значит, где-то поблизости вечер.
Вот и вечер. А значит – грех.
Утро вечера мудренее...

Мудренее? Людишкам виднее.
То скрути им совсем уж простое,
То измысли такое витое,
Что навроде и золотое,
А разыметь, навроде и нет.
Тут ведь в чём заключается дело-то?
Дело в том, что причина неясная...

Приходило солнце белое,
Уходило красное.
Только солнце – не весь ещё свет.

Стареющие авангардисты

Ржёт рыжий, наступив на шланг.
Цирк мокр. До икр. Отпад. Аншлаг
Заик и мазохистов. Клизма.
Каюк компании. Наш флаг
Под колпаком у формализма.
Мы – фланг?! Браток, да ты дурак!
Тут – формалин, тут с аквалангом
Не прорубиться. Мы в реторте.
Ты видел эту морду шлангом?
А этим шлангом, а по морде —
Не хило? Я об авангарде.
А ты о чём, о сладком мирте?
Да он как анаконда в марте,
Поэт в законе... чей кумир ты?
Ничей. Ужонок невелик ты.
Пижон, мы оба здесь реликты.
У них свой кайф – «Полёт рептилий»!...»
А наш рожон? Наш – лёжка в иле...
И я смешон. И я ушел бы.
Куда ушел бы? Из-под колбы?
В песок на штык, и в жижу рожей?
Ништяк! Ты не смотри, что рыжий
Ничтожество, ты зал послушай —

Ведь ржёт, блаженно потерпевший!
И так везде. И всюду падлы.

...и что мы, брат, без этой коды?..

***

Снова вспомнилось детство. А что еще вспомнится лучше-то?
Вот сажу, вырезаю кораблик. Задворки, развал кирпичей.
Тихо солнце шуршит колокольчиком хмеля чешуйчатым,
Дремлет старый забор в переборах осенних лучей.
Ну а дальше, что дальше? А дальше туман намечается,
А в тумане слепой тупичок, близоруким сомненьям в ответ.
Или это забор? Может, там и калитка качается?
Или это стена, за которой кончается свет?
Снова вспомнилось детство, и ясное, тихое знание
Всех вопросов лукавых – простое незнание их.
Дом был в старом дворе. Просто дом. Не строенье, не здание.
И калитка в заборе была. Всё скрипела на петлях своих...

***

Сноп золотистого огня,
Зачем позолотил меня?

Зачем сладимый, грустный ил
Во мне светло позолотил?
Так тихо было там, на дне...
Зачем ты вспыхнула во мне,
Зернясь колосьями огня,
Река, несущая меня?
Зачем летит со мной тоска
В пылающие облака —
Сгореть? Погибнуть?
Вот и здесь,
И здесь для грусти место есть...

***

Сорочий гвалт наполнит мглу.
Светло берёза ветвь наклонит,
И снег стряхнёт, и по стеклу
Не стукнет даже – мягко тронет.

Затихнет к полночи жильё.
Вздохнёт соседка. Глухо всхлипнет.
Вновь одиночество её
Мою бессонницу окликнет.

Я закурю, и там она,
Всё зная, что меж нас вершится,
Опять вздохнёт, и вслух меня
Опять окликнуть не решится.

Зачем, зачем, зачем слова,
Надежда, боль очередная?
Соседка, брошенка, вдова,
Я даже имени не знаю...

Друг другу сдержанно кивнём,
Наутро встретившись в парадном,
И к остановке подойдем,
И – в путь, по дымным автострадам.

Ещё покажутся в просвет,
Меж поручней, в окошке мутном
Пушистый воротник, берет
В автобусе, почти попутном.

Счастливый путь! Всё горше, злей
В потоке этом безымянном
Слова надежды. Всё светлей
Оставшееся несказанным.

СОВРЕМЕННОКИ

Жили-были, за каждый свой грош надрывались,
Были дикие, страшные песни свои.
Что же это – и всё? И совсем подевались?
Сослуживцы, соседи... родные мои!
Поскреблись, пошуршали до крайнего срока,
Растолкали в гроба вас друзья, племяши,
Как в пеналы гранёные после урока
Поизжёванные карандаши.
С похорон приползёшь, бродишь по дому, просто
Перетряхиваешь барахло,
Боже, сколько платков, полотенцев с погоста
Напластало в шкафы, намело!

Всё бы вздор, и тоска выносима, покуда
Взгляд, расплавившийся добела
Тихой ненавистью, не окатит Оттуда
В незавешенные зеркала:

«Ты зачем закопал меня, гад? – Так-то строго
Вопрошает, не ангел, не зверь —
Без собора, причастия? Где здесь дорога?
Хорошо мне теперь?..»

Хорошо, хорошо! Плоть и шум претерпевший,
Там он тих и несолон, свой чистый накал
Набирающий, здесь, в щелочах искипевший
Свет меж нами стоящих зеркал!

СОН-ВОСПОМИНАНЬЕ

*...над колодцем (его, может, не было вовсе),
В середине двора (двор тот был, это точно),
Вот не помню, весна была или осень —
Журавли пролетали. Я видел воочью.
Журавли эти были черны и громадны,
Треугольные...*

Да, да, это поразило больше всего!

Медленно махая крыльями-лопастями, как тихие чёрные самолеты, они проплывали надо мной, один за одним. У всех по-журавлиному вниз была опущена тонкая, с широкой ступнёй, нога, которой они работали в воздухе, точно ластой.

Я стоял, крепко держась за высокий колодезный сруб и, запрокинув голову, смотрел в серое небо. Было страшно и тревожно. Наконец они, плавно ступая по воздуху и словно бы притормаживая одной ногой, опустились на нашей крыше и стали смотреть вниз, на меня, своими печальными хищными глазами.

О, это были скорее орлы или кондоры непомерной величины, только я почему-то знал — это журавли. Но что они хотят? Зачем они прилетели, такие? Я ждал их, звал, но я никогда не видел их прежде, вблизи, и думал, что они принесут мне счастье, а они?

Теперь я только стоял и ждал чего-то... как и они, наверное... но чего?

*Не дождались тогда ничего эти птицы,
Улетели, тревожного неба невольники,
Улетели, пропали...
Мне снится и снится:
Чёрные треугольники.*

СОЗЕРЦАТЕЛЬНИЦА

(Черепаша. Азия)

*Меркнут белые делянки.
Тылом жертвуя на фланге,
В центр фаланги смещены.
Жертвы, жертвы, жертвы, жертвы...
Разворачивают жерлы
Башины с чёрной стороны.*

В бастионе шахматной гробницы
Мысли тяжелы и холодны.
Выщерблены плиты роговицы.
Жертвы и ходы предreshены.

В панцирных полях платформы косной
Неизменна есмь Величина.
Вправо купол накренился звёздный.
Влево крен к утру дала волна.

Код секунд несметных, колыханно
Золотым кочующий холмом,
По бессмертной формуле бархана
Расшифрован медленным умом.

И пока на монолитах клетей
День блистает, ярко излучён,
Из гремучей тьмы тысячелетий
Корень, точно жало, извлечён.

Взгляд недвижимый отрешён от страха
Безысхода в костяной игре,
С шахматной доскою черепаха
Держит время в чёрной конуре.

СОЛНЦЕ

Шаркало о камни жёлтым днищем,
Низко шло по дымному песку...
Это ещё станет пепелищем,
Здесь ещё изведуют тоску.
Гордые, угрюмые народы
Здесь и в щель скалы воткнул копье.
А пока – объяли душу воды.
И душа уходит в забытье.
Всё ещё в порядке, всё в покое,
Только разъедает камни йод,
Только солнце, солнце золотое
На закате сильно устаёт.
Только ожидают год за годом
Кто исполнит мыслимый завет
Просто встать и прорасти восходом.
И закатом возвестить рассвет.

СОЛОНЧАК

1.

Соленого камня кривые отроги
Полипом въедаются в пыльную степь,
Змеятся, троятся, не знают дороги,
А помнят – земля им опора и крепь.
Расти только вниз, забирая суставом
Направо, налево суставом, вовнутрь
Суставом, и щупом, и сердцем, и станом,
Всей памятью, вспомнить, нагнуться, вернуть!
Над ним отгудевшее солнце сгорает,
Под ним воют русла в утробном огне,
Он медленно роет, и не умирает,
До кратера музыки, там, в глубине.

2.

Здесь небо и степь различимы немногим,
Днём – ветром солёным раздутый очаг,
А небо полуночью – тысяченогим
Толчёный степным табуном солончак.
И если кручёные, топотом грузным
Столбы растанцуют округу, тогда
Здесь всё перемешано с воем и хрустом,
И солнце, и соль, и песок, и звезда!
Но если с небес – корнем выдранным – взрывы,
И пенье, и свист, и рыданье коней,
То недра не стуком, не топотом живы,
А пеньем, сияющим в горле камней.

3.

С одной стороны загремят по двум струнам,
На русском споют еле слышно с другой.
Здесь звук заплутал по барханам, бурунам
И в камне увяз рудобойной киркой.
Как бы на растяжке – вовнутрь, в сердцевину,
О, камня поющего треснувший рот!
Горе – половину, морям – половину,
И – сердца разрыв, на хребте разворот.
Вбирая по капельке песни пространтства,
Окрепнуть, смиряясь, наверное, но
Терпение, камень, огонь, постоянство —
Всё это дано.

4.

Молчит, но до срока. Песок – но по горло.
В глазу и у ящерики смертная скорбь.
Вздохнёт, а звездою дыхание спёрло,

И прячет за пазухой каменный горб.
А в камне такое – не скажешь словами,
Вся ненависть века, вся крепость веков.
Барханы сухими махнут головами
И прячут глаза в малахаи песков.
И зреет под камнем такое, как пламень,
Который лишь музыкой степь обдаёт,
И степь до утра – остывающий камень.
И – снова рассвет жарким камнем встаёт.

СОН ПОД ДЕРЕВОМ

(Азия – Россия)

Выщелк сухой древесины.
Сон по пути на Иссык.
Сплю. Снится лес. И России
Легкий, как лепет, язык.
В рощице сплю придорожной
Под джигидой, на траве.
Вызноенные – до дрожи! —
Ветви снуют в голове.
Поступь теней меховая,
И, вся в огне, как руда,
Плавит плоды, изнывая,
Стонущая джигида.
В тень уползают корни.
Переползают в огонь.
Сгрудясь, уронят деревья
Каплю руды на ладонь.
Выщедят медленно, словно
Мёдом налиты стволы,
Вытянут ковшик столовый
Белой, пахучей смолы.
Ринутся к сотам и сотцам
Орды осынь и осят,
Прутья, прогретые солнцем,
Трутнями заголосят...

А до России – далёко,
Кажется, что никогда...
Азия. Полдень. Дорога
В сон, в золотые года.

Значит, ещё мимо рока.
То есть, почти никуда.

ПОЛУНОЧНИКИ

Сядешь ты, глаза сощуря,
Свет ладонью заслоня,
– Милый – скажешь – всё в ажуре.
Что ты хочешь от меня?

Хоть скрипелось и тужилось,
Солнце било в сотни ватт.
Что ты хочешь? Не сложилось.
И никто не виноват.

Потужили, поворчали,
Покружили в колесе,
Не молчали, не кричали,
Жили попросту, как все.

Планы, помнится, чертили,
Золотые терема...
Отпусти на все четыре,
Всё равно уйду сама.

Будет лад с другой женою,
Не взбешусь, не брошусь в крик,
Это дело наживное,
Поживем ещё, старик?..

Что-то сонно возражу я
Рассудительным речам.
– Милый – скажешь – всё в ажуре,
Спать бы надо по ночам...

СОЧЕТАНЬЕ

И чем дальше к истокам я плыл, рассекая течение,
Тем ясней предо мной проступали ступени земли,
И на каждой ступени стояли Борьба и Смиренье,
И над каждой ступенью Начала сияли и жгли.

Кон за коном сменялись урод, триумфатор, агрессор,
Под крикливым безбожьем стоял молчаливый расчёт,
Под верховным владыкой ютилась секира и кесарь,
Под языческим идолом горбился нечет и чёт.

А за ними уже, за твердыней глухих пантеонов,
Что-то рухнуло вдруг, точно рыхлый, бесформенный свет.
Как в бреду, отшатнувшись от белым, от кишенья ионов,
– Что там было? – Я крикнул. И голос мне был, и ответ:

«Ты сам, ты сам искал начало,
Но ты и не воображал,
Что это слово означало
То, от чего ты сам бежал.

Ты бросил небу обвиненья,
И ты же проклинал сатану,
Но эта цепь соподчиненья
Крепится на любом кону.

Ты видел мало, слишком мало,
Себя он только намечал,
Последний кон, всему начало,
Но за началом всех начал

Ты Безначальное увидел,
Там, где начало – там и кон.
Где кон – там раб, там царь, там идол,
Там – всё. И надо всем – Закон.

Лишь в Безначальном утешенье
Тому, кто цепь, томясь, носил,
Но там и рвется натяженье
Земных, его стяжавших сил.

Рассотворится тварь, и слово
В истоках канет. Кончен лов.
Распались атомы, основа
Всесопрягающих узлов.

Вас неизвестность подкосила.

А весть высокая была,
Какая красота и сила
В вас сочетаться бы могла!..»

И уже возвращаясь, поклонным теченьем влекомый,
Различил я костры возле капища сквозь деревца,
И над крепью богов, многоликий, так странно знакомый,
Древний Род восставал, озарив все четыре лица.

И увидел я знак – это Крест, разорвавший окружность,
В самом центре, где зольник огнём оцепил свою крепь,
Неподвижный, он рушил тот мрак, тот языческий ужас,
Мощным взглядом в четыре конца размыкал эту цепь.

Тлело скопище идолов, зная свой строй и порядок,
Замыкаясь в кругу берегов и воли жреца.
Может быть, потому и пришла эта сила в упадок,
Что забыла о точке прорыва – из центра кольца.

Это Род, это кровь! Нарастая по дольному краю,
Путь ведёт В Горний край, горизонт вертикалью дробя.
В резкой точке креста человек свою суть собирает.
Перекрестье продлив, человечеству дарит себя.

Световые еще лишь в прреддвееи преображенья,
Всё ещё не разъяла природа цепочки костров,
Ни концы, ни начала ещё не нашли сопряженья,
А четыре пространства еще сочетает лишь кровь.

***

Спичкой – шорк! – по коробку,
Хрупкий столбик табаку,
Запакованный,
Как беспечный мужичок, в бумазейный армячок,
Подпалил худой бочок,
Искрой атакованный.
Смолка выступит на спичке,
И просохнет след живички,
След прозрачный ручейка
После огонька.
Вот и все приметы ночи.
Что ни полночь, то короче
Вспышки, помыслы, а всё же
Что ни полночь, то дороже
Равнодушная семья
Утешительниц-вещичек,
Словно всё галиматья,
Всё муровина привычек,
Всё померкнет, кроме спичек,

Книги, женщины, друзья...

Да вползет, пожалуй, лучик,
За кирпичиком кирпичик
Размуровывая.

ССОРА

Натянулась в доме струна,
И оса зазвенела, шельма!
Завелась у нас тишина,
Затянула углы и щели.
Затянулось молчанье в дому,
Ни вскричать, ни добром сговориться,
И гуляет царицей в табачном дыму
Музыкальная мастерица,
Возле банки с вареньем реет,
Мы глядим, как она играет,
А она, обнаглев, добрееет
И друзей на пир собирает...

***

Старый дом мое сердце тревожит.
Нас любили в нём так, как, быть может,
Никогда не полюбят. Но в нём
Как в яйце, вглубь ларца заключённом,
Что-то в полночь мерцало точёным,
Донно свищущим, жально злачёным,
Из подполья сквозящим огнём.
Дом тот полон ещё привидений,
Там в подъезде качаются тени,
Там летучие мыши снуют,
Там какие-то Страшные Страхи
Ходят тихо в холщовой рубахе
И корявые песни поют.
Истопник его недра шатает,
Дуб корнями его оплетает,
Крышу ворон щербатый крушит,
Вьюга в щели змеится, лютует,
И вот-вот его, кажется, сдует,
И завееет, и запорошит...

Но тужит в нём кашеева тайна.

Он один, в дикой зоне дизайна,
Врос легендой, всем жалом её
В сердце мира, и ядерный ужас
Мерным тиканием обнаружась,
Тихо мёртвые ходики кружит,
Цепь заводит за сердце моё.

СТАРЫЙ ТРАМВАЙ

Рельсами легко нанизан,
Красной бусиной катился,
Всё звенел, катился низом,
Затерялся, закатился,
Смотрит – города и нет.
Смотрит – поле.

– Ну, привет!
Нету сил в разлуке, поле,
С тобой,
Здравствуй, мята, девясил,
Зверобой,
Кушать травку хорошо,
Девять сил!..

А вагон голосовал,
Голосил,
Пассажиры встрепнулись:
– Трамвай, стой,
Иль не видишь? – ужаснулись —
Травостой!..

Пассажиры гомонили,
В колокольчики звонили,
И в стальные, и в степные,
И стучали рельсам по...

Их слышали в депо.

Сомневаться не резон,
Это – старый фармазон,
Вольтерьянец, лиходея,
Ишь, куда завёз людей!
Как их во поле сберечь?
Как их в город приволочь?
Только стрелочник, сиречь
Плут и хрыч, сумел помочь.
Он-то знал где узелок,
Он и рельсы указал,
Да за нить и поволок,
И доставил на вокзал
Бусину пурпурную,
Вздорную, дежурную.

В поздний час в углу вокзала

Виноватая стояла,
Подходили к ней не раз,
«Ну-с – говаривали – нда-с,
Шо ж с людьми озорничать?
Шо ж людям-то отвечать?..»

А она себе стояла,
Показаний не давала,
Уцелевший колосок
Прятала под колесом,
Огрызалась: «Шо, да шо!..»

Глаз косил нехорошо.

СТАРЫЙ УЧЕБНИК

Когда страницы лет листаются обратно,
Мы смотрим свысока в былые времена,
«История Мидян темна и непонятна» —
Прочтём, как анекдот, оплаченный сполна
Судьбой за лаконизм, или за чёрный юмор.
Нам всем ещё грозит остаться в дураках.
Но если человек страдал, любил, и умер,
То что ж его народ, потопленный в веках?
Растворена волной солёная, живая
И кровь его, и плоть, и лишь под светом, рдян,
Случайный пузырьёк, бесшумно выплывая,
К учебнику пристал: «История Мидян»

***

Стерва. Стареет, и все-то дела.
Ходит, принюхивается. Ревнует.
Кто ж виноват, что сестра расцвела?
Плавает облачком тихим, волнует...

Туча в квартиру вломила, заплакала,
Кричала о чём-то, намокла и смолкла.
На паркете оставила капельки влаги,
В пепельнице обломки молний.

***

Страшное оружие, рогатка
С детства глаз вооружала мой.
Бьёт прищур наводкою прямой,
Если жизнь гримасничает сладко.

Не уйдешь, щебечущая сволочь,
От рогатки двуетидных линз,
Подлинный твой лик сквозь бликов толочь
Всё равно проступит из кривизн.

Что, страшит о подлинном догадка?
А не ври, кривясь и мельтеша.
Древнее оружие, рогатка
Бьёт без шума. Режет без ножа.

На медведя хаживали с нею,
Всаживали в землю и змею.
Вспомню, и от счастья сатанею,
Первую рогулечку мою.

Вытянешься где-нибудь на вышке,

Стрункою подрагивашь весь —
Низенько порхают воробышки,
Голубей распахивает высь.

***

Сумасшедшая, дурочка! Я человек, или нет?
Что же ты ссоришься? Да не молчи ты с дивана!
Плюнь в потолок, наконец, иль напейся из крана,
Иль сошвырни со стола хоть пригоршню сырую монет.
С улицы, да. Да, с друзьями зашёл в магазин.
Да, за здоровье и прочее. Но не убил же старуху!
Время такое. Завоешь – ни слуху, ни духу.
Глухо, как в танке. И так много лет, много зим.
Надо ж не спятить. А ты уже это, учти,
Тронулась, кажется, малость вот тут, в одиночке.
Плюну, сбегу, отсижусь в диогеновой бочке...
Ссорься, пожалуйста. Только не молча, кричи.

СУМАСШЕДШИЕ ДЕРЕВЬЯ

Когда белого снегу пожалела зима,
Когда жёлтыми зубами заскрипела трава,
Деревья в саду сошли с ума,
И с проклятьями их побросала листва.

Забегали по саду деревья голые,
Кружились, гонялись за своей листвой,
Скрипели, хватались руками за голову,
Качались, кричали «Ой!..»

А листья летели бог весть куда,
И присели на корточки бог весть где,
Разболтались с лягушками из пруда
И стали жить на болотной звезде
Жёлтыми лягушками в квакающей воде.
Пузырилось и пучилось там иногда
Болото, квакающая вода.

Ведь недаром однажды какой-то поэт
Возопил, что воды на земле уже нет,
Есть вода чтоб над ней по ночам колдовать,
Есть вода чтобы детям её целовать,
А воды, для того чтобы в ней проживать
Потихоньку простыл и след.

Лишь деревья корнями увязли в земле...
И дождались белой воды их коренья.
Потому, что они очень готовились к зиме,
Сумасшедшие, старые деревья.

***

Счастливые люди сидят в электричке.
А мы сигареты изводим и спички,
Изводим в квартире денёк по привычке,
А в той электричке... о, в той электричке
Счастливые люди сидят с рюкзаками,
Фасонит охотник перед рыбаками
Тугими ремнями, литыми курками.
А те удилищами и поплавками
Форсят перед ягодниками, грибниками...
Поляны мелькают в окошке вагонном.
Леса возникают за тем перегоном,
Где мы, как счастливые, добрые люди
Назло табаку, алкоголю, простуде
Когда-то сходили и в лес проникали,
Ложились в траву, к роднику приникали,

И счастливы были, хотя не искали...

А ныне мы ищем высокого смысла,
Пытаем слова, исповедуем числа,
Всемирного счастья уныло алкаем,
И сами тропу себе перебегаем...
А в той электричке, зелёной, как юность,
Нет смерти, есть август, июль есть, июнь есть, —
Вернуть бы, догнать бы, рвануть бы у склона,
Схватить бы за хвост, словно ящерку...
Словно
Зеленую ящерку...

***

Сырой, прогорклый юморок.
Что ж, провожу давай.
Глядишь, счастливый номерок
Подсунет вновь трамвай,
И вновь – почти везение,
Весеннее почти,
И – дождичек рассеянный
Под зябкие плащи,
И – фонаря качание
Над зябнущей душой,
И – поцелуй нечаянный,
Негаданный, чужой...
Путями полуночников,
Простившись со смешком,
Давай, вдоль остановочек,
Таким былым пешком!
Ничейные, случайные
Никчемные дела...
В билетки трамвайные
Удача уплыла.

САГА О ПОТЕРЯННОМ НОСКЕ

У меня потерялся правый носок,
И я выбросить решил, как всегда,
Без вины виноватый левый носок,
Непарный, никчемный теперь носок...

И я был неправ, как всегда.

Потому что вскорости третий носок,
То есть, в сущности первый, правый носок
Обнаружил в шкафу, как всегда,
Обнаружил, и в ярости, наискосок
Швырнул «виноватый» этот носок
От окошка, на свалку – айда!

И тогда-то я вспомнил, что левый носок
Не бросал я ни прямо, ни наискосок,
И тогда-то я вспомнил, балда,
Что совсем не выбрасывал левый носок,
Как всегда отложил его в ящик, авось
Отыщется тот, второй,
Ну а в сущности – третий, и лишний, как гость,
Перебравший поздней порой.

Что мне делать с «третьим» носком теперь?
Пусть он первый, пусть трижды прав!
Я гляжу на него, как затравленный зверь,
И своих не ведаю прав.

СВЕТОВОЙ КРУГ

Цепочка стихотворений

ЯНВАРЬ

Январь, едва задетый детским пухом,
Ещё испуган, он ещё пацан,
Вослед большим пушистым белым мухам
Глядит с обледенелого крыльца.
И стает, прочерневшей сквозь деревья,
Ритм снегопада медленный разбит.
Проставлены по веткам ударенья,
И проза дня певучая знобит.
Ещё лишь брезжит в ней пора иная,
Ещё лишь пар горячий изо рта
С высокого крыльца воспоминаний,
И – прошлому подведена черта.
Заботы прошлогодние, обуглясь,
Сутуло притулились к январю
Свое, своё докаркать! С белых улиц
Бьёт новый свет в лицо календарю.
И этот гомон пляшущий, орущий,
Январь переживает тяжело,
Ещё робеющий, уже берущий
Ватагу дней под снежное крыло.

ФЕВРАЛЬ

Ну что ему нужно? Внимание – раз.
А главное, чтоб узнавался он, то есть,
За ним, понимаешь, глаз нужен да глаз,
Не то прохудится, неслышно, как совесть.
Погодит, негодит, блеснул – и зачах,
Февраль, что почти или чуть ли не март уж,
Он вырос, раздался в сомненьях, в плечах,
Вниманье ему по плечу, понимаешь?
А байки его чудо как хороши!
Он с веточки снежным лучом почудачит,
Навешает, как говорится, лапши,
Три раза на дню приключит, околпачит.
Вот кость его деревом стала уже,
Немного ещё – похромей, посолидней,
Постарше, он сядет соломенным сиднем
Один на веранде, с тоской на душе.
Тогда не узнаешь, и не подступись.
Он палкой тебе суковатой, с оттяжкой
Из листьев хватит!..
Живи, торопись,
Пока он коричневой машет рубашкой.

МАРТ

Выщелк сухой древесины.
Солнцем под мартовский гвалт
Вылизан аж до иссиня
Черного потный асфальт.
К дверце волшебной, где почки
Рвутся, чумеют грачи,
Март подбирает крючочки,
Перебирает ключи.
Полуребьячи замашки?
Всякий бы тут мельтешил,
Вырос из старой рубашки,
Новой еще не пошил.
Нить её мерно прядётся
В дебрях корней и травы,
В самую пору придётся,
Вон уже из синевы
К дымным прогалин оконцам
Птицы хмельные летят,
Прутья, прогретые солнцем,
Щёлкают, мнутя, свистят.

АПРЕЛЬ

Весь в ушибах, в зелёнке,
В яркой-яркой рубашонке,
В месяце-кепчонке...
Набродился кураями,
Нагалделся воробьями,
Поутих в сторонке.
Что тут скажешь?
Грусть излишня.
Далеко черешня, вишня,
Глядят чуть одевшиеся берёзы
Куда запропали молодчики-грозы,
Когда пальнут, ночью ли, днём,
Воздух проткнут нервным огнём
И брызнут слёзы?..
Пока
Тихи облака.
Зелёным воздухом оброс
Апрель без гроз.
Нахулиганил, набалаганил,
Шалашик из веток и листьев сварганил
Отдохнуть, подлечиться,
Уму-разуму подучиться
До новых делов,
До майских грохочущих слов.
Зелёнка уже залила
Мартовские дела.

МАЙ

Не мурлыча, не мяуча,
Мягкой поступью кошачьей
Вышел Май!
Боже мой,
Сквозь кудрявые берёзы
Светит неба бирюза,
Светит вкрадчиво и нежно,
Безоружно, безмятежно
Белозубая улыбка
И зелёные глаза.
Разве что слегка затмится
Серым облачком ресница,
Разве что одна слеза
Колыхнётся на реснице,
Разве что о крышу чиркнет
Белой спичкой-невеличкой...
Удивляется денек,
Чудеса!
(Приближается гроза,
Приближается гроза)
Май садится на пенёк
Покурить,
Молчаливый огонёк
Разговорить.
Приближается гроза,
Приближается гроза...
Белозубая улыбка
И зеленые глаза.

Мягко стелет рослый малый,
Сколько гроз переломал он,
Колдовал,
Пряным воздухом томил он,
Сколько объяснений милым
Расковал!
Пылен лист продолговатый,
Зелен глаз невиноватый,
Волен уст витиеватый
Лейтмотив.
Завязь есть, дозреет летом,
Зной довяжет. Но об этом
Скажет лето, ясным светом
Посветив.

ИЮНЬ

Высок, в рубашке голубой,
Он опьянён самим собой,
Как тенор в белом свете ламп,
Распахнут настежь похвалам,
Насквозь пронизан синевой,
Зализан выющейся травой.
И зной, и страсть, и хмель, и выюн,
Как в стон, впиваются в июнь,
Как в юношу, покуда юный,
Уста цветущих, пылких лгуний,
Пока высок, пока горяч
И знак таинственных удач
Сулящих небо на земле,
Ещё начертан на челе,
Знак обещаний,
Невозможных
Во днях прохладных и тревожных.
И пусть солгут уста, персты,
Они же смертны и просты!
Лишь отцвели, глядишь. к Июлю
Их сёстры гибкие прильнули.

ИЮЛЬ

Обвила, как паутиной,
Страстью жёлтою, змеиной,
Разорви поди-ка,
Если сам в жаре бредовой,
И не сон ли твой медовый
Эта повилика?
Ах, Июль, уже берёзы
Тихо высушили слезы,
Выплакали юность,
Хорохоришься один ты,
Словно бы не Август длинный,
Впереди Июнь есть.
Сколько парочек слюбилось,
Сколько перстеньков разбилось
До осенней свадьбы?
Это ты лучом взбешённым,
Точно молотом тяжёлым,
Отковал их судьбы!
Вот и сам теперь в плену ты
Жарко вьющейся минуты,
Ждёшь дождя и бури.
Твоего же сна напасти
Эти змеи, это страсти
Выморочной дури.
Миражи и сны Июля...
Вот и бабочки вспорхнули,
Словно над могилой,
И рассыпались, как звенья,
Эти плоские мгновенья
Страсти пестрокрылой.

АВГУСТ

Спору нет, ещё красив,
Моложав ещё, плечист,
Но спесив уже, спесив,
Вышедший в тираж артист.
Август, август, ты в афишах
Желто-красным размалёван,
На асфальтах и на крышах
Шёпот их уже взволнован!
Гул в партере, в бельэтаже,
Назревает поневоле
Время действовать, и даже
О своей подумать роли.
На подмостки нет резона,
Но актерам ты – водитель,
Театрального сезона
Золотой распорядитель:
«Значит так. Вон те берёзы
Поджелтить...
Добавить клёнам
Киновари...
Сцены прозы
Сократить...
Двоим влюблённым
Мимо третьего едва ли
Проскочить в подобной пьесе.
В общем, понято... и дале
Действуем в таком разрезе:
Флигелёк. Квадрат оконца.
Листопад. Немного солнца.
Здесь – поболее печали.
Тут – свидание. А дале...»
Дале – не твоя забота.
Ты уходишь, сдав повязку,
Бормоча о третьем что-то,
Предвещающем развязку.
Тайна прячется за этим.
Но Сентябрь идёт на смену,
И не он ли станет третьим,
Заступающим на сцену?..

СЕНТЯБРЬ

Ну вот и встал он на пути.
Червонный орден на груди.
Стоит, поигрывая тростью,
Тут не свернуть, не обойти.
Его авторитетный жест
Распространяется окрест:
Врывайтесь в роль, как в грунт врывались
Стволы и корни этих мест!
Судьба одна, но всякий раз
Весной продлится ваш рассказ,
И если женщина уходит,
Она уходит не от вас,
Она уходит от зимы,
Она уходит от суммы,
И, если честно разобраться,
Она уходит от тюрьмы.
Пойми, ей холодно зимой,
Пойми, что ты ей стал тюрьмой,
Она почти не виновата
В том, что неясно ей самой.
С нас ещё взыщется должок,
И травка вспрыгнет на лужок,
И вновь неузнанным вернётся
К подружке ахнувший дружок.
Я узнаю вас, узнаю!
Прощайте женщину свою,
Играйте роль свою, играйте,
Вы у развязки на краю!
Сейчас она уйдет туда,
Где не отыщете следа,
Но если плачется, то – плачьте,
Представьте, это навсегда!
Играть? Но ведь лишь раз играть,
И, значит, набело сгорать,
Вам не удастся за кулисой
Морщин потухших разобрать.
Взгрустнут деревья у дорог,
Уронят лист на ваш порог.
А недоигранное вами
Ещё сыграют. Дайте срок.

ОКТАБРЬ

(Элегия предзимья)

Гонять чаи, была б охота,
Сумерничать, клонясь к зиме,
Где только месяц, долька года,
Лимонно кружит в полутьме,
Но там, где осень ветошь скинет
Вплоть до последнего листка,
Там вдруг Элегия нахлынет
Из обмелевшего райка,
И русло старое свободно
Перешагнув на склоне лет,
Неторопливо, полноводно
Исполнит смысла поздний свет,
Тот исполинский смысл, который
Почти не мыслился в листве,
Основа *пятерни* матёрой,
Оттиснутой на синеве.
Там, на изнанке голых истин
Ещё прозрачней и мощней
Работает в осенних высях
Свет перевёрнутых корней.
И мысль пронзит: а чем всё это
Держалось, на пределе света,
Весь лепет птиц, весь листьев бред,
Листка сгоревшего скелет,
Весь в проступивших жилках лета?..

Есть в круговой поруке света
Рука, в которой кружит свет.

НОЯБРЬ

Стрелками злых холодов, точно усами, задвигав,
Входит Ноябрь, как в некрополь, в прямой индевеющий сад,
Часы продолжают учёт умирающих маленьких мигов,
А белые стены спокойно четыре молчанья хранят.
Оторопь сирой листвы. Леденеют железками грима
Вмёрзшие в лужи доспехи Золушек и Королей.
Светят седые глаза окончательно и необоримо.
Стынет на синих губах глагол перерытых ролей.
Песня! Октябрь золотой!.. Позаметало долины,
Белой страной Декабря луч поутру опушон,
Круговращенью времен, где погребены исполины,
Быть иль не быть, пустячок, ну конечно же Быть, возражён.
Грозно и грузно гремя, отбродяжит Ноябрь по надгробьям
Цинковых лат костюмерных, брошенных в грустный черёд,
И, подгребя к Декабрю, золотым музыкальным подобьем,
Вслушайся в ключ, разомкнёт дверцу в Солоноворот!
Все повторится, глагол
Быть
В тысячный раз prospрягают,
В прямоугольном саду затрепещут соцветия рук...
Стрелки морозных лучей световой горизонт обегают.
Белые стрелы ветвей упрутся в солнечный круг.

ДЕКАБРЬ

Грохот корявых ворон,
коронующих тополь пирамидальный,
Серый, прод рогпшй и одинокий
как брошенный в старости Лир,
Это – ворвавшийся в жизнь
и по жизни уже
поминальный
Верующий в календарь,
и уже ни во что, разумеется, более,
Пир.

Средь декораций, легко приглушённых
декабрьским слежавшимся снегом,
Полный развал отношений, премьер,
и несыгранных набело пьес,
Пахнет скандалом, недобродившим вином,
и, кажется, пахнет побегом
В новую драму,
а там – в хитросплетенье чудес.
Ха! Чудеса наяву,
это знаемо каждым и всяким,
Каждый, быть может, и жив
лишь надеждою на чудеса,
Верую в быт,
в постоянство его,
и двояким
Ладом земли и небес
точно звучат голоса.
Начерно сыграна роль,
начерно сыграна пьеса,
Набело сыграна жизнь,
и теперь не вини календарь,
Если всю жизнь лишь в него,
придающего прошлому веса,
Веровал свято как тот,
в благодарность наследников,
Царь.
Но,
в осознании потерь,
вероломств и провалов, живет восхищённо
Тоненький луч торжества —
значит набело сыграна жизнь!
Значит не зря бился пульс,
бились дни твои столь учащённо,
Что календарь поотстал,

постарел, дурачок,
и теперь лишь чуть-чуть продержись,
Вспыхнет проём, озарённый софитами сцены, и дверца
На декорациях рваных, у каменной вечной стены,
Приотворясь, запоёт, и ударится старое сердце
В новый набег, на холме
неумиравшей
волны.

МЕРЦЕДОНИЙ

Перелистаем вновь, и на ладони
Утихнет календарь перекидной.
Опять бессмертье, месяц мерцедоний,
Тринадцатый у римлян, запасной.

Вновь уголки галактики глухие
Старинный озаряет канделябр,
Опять не уместается стихия
В очерченный звездой календарь.

Какие високосные отсрочки?
Какой рубеж? За крайним рубежом
Судьба, смеясь, выпрастывает строчки
Таимые земным карандашом.

А мерцедоний, вспыхивая снова,
Поправками выравнивает вдруг
Подрагиванье циркуля стального,
Поспешно заключающего круг.

И меркнут цифры с их певучим ладом,
Когда стихом, ломающим строфу,
Вослед за мерцедонием крылатым
Хромой февраль крадется за графу.

И сызнава – во мрак, меж искр, помарок,
Под матрицу двенадцатой строки,
Без вымарок, без мерок – в звёздный морок,
В бессмертные миров черновики.

***

Сижу я, как птица, на ветке зелёной,
Сижу хорошо, меж корнями и кроной.
Мне быть в положение таком не обидно,
И сам-то не виден, и всё-то мне видно.
Какие проблемы? Свищу и воркую,
И гневаюсь даже, и даже дуркую.
Иметь девяносто? До ужаса просто.
Потом – шестьдесят. И опять – девяносто.
Но это – чуть ниже. А дальше... а дальше
Я петь не могу без надрыва и фальши...
Я тех, кто вверху, замечательно вижу,
Я тех, кто внизу, вижу очень подробно,
Я песней ни этих, ни тех не обижу,

Все Божии твари, и всем неудобно,
Одним за излишек, другим за недолю,
Я вижу родство их и тайную волю,
Я вижу всё то, что невидимо ныне...
Затем и сию в золотой середине.

СИРЕНЕВЫЙ БУЛЬВАР

Сирень опять цветёт, сирень одолевает,
Сиреневый туман, сиреневый пожар,
Сиреневый бульвар под нами проплывает,
Сиреневый бульвар, сиреневый бульвар!

Всего лишь раз в году, всего один лишь месяц
Бушует над Москвой, так яростно нежна,
Вся в пене кружевных, раскрепощённых месив
Созвездий, листьев, крон цветущая весна.

И мы плывём по ней, нас жарко омывает
Кипенье пряных волн, входящее в разгар,
Сиреневый бульвар под нами проплывает,
Сиреневый бульвар, сиреневый бульвар.

Щемящие слова из юности повеют,
И песня зазвучит, и дальнюю грустцу
Навеет вдруг сирень, звезду склоняя ветвью
И наклоня гроздь душистую к лицу.

Звезда горит всю жизнь, звезда не убывает,
Бессмертная сирень цветёт, как Божий дар,
Сиреневый бульвар под нами проплывает,
Сиреневый бульвар, сиреневый бульвар.

***

Сквозь инфракрасный луч стихотворенья
Шатнутся вдруг, как бурелом сирени,
Какие-то косматые миры,
Их нет в помине в звёздном каталоге,
Но все они со мною в диалоге,
И я не знаю правил их игры.

Что это? Морок, блажь, припоминанье
Того, что было где-то в мирозданье,
Прапамяти размытые слои?
...песок... щепы... сырой туман у речки...
Обмылки тулов глиняных... сердечки...
Забывшие зверушки... человечки...
Я не был здесь. Здесь все они мои.

Миры дурманят. Зыблются в тумане
Огни былой любви, восставших знаний,
Свидетелей бессмертья моего.
Но лишь угаснет луч стихотворенья,
Вновь за окном лишь заросли сирени.

И здешний мир. И больше ничего.

***

Снега пласт то сед, то рыж.
Остров зимнего забвенья.
Ржавы два сквозных раненья,
Раны прошлогодних лыж.

В лесопарке шум и гам,
Танцы и частушки пылки.
Чьи порожние бутылки
Катит склон к моим ногам?

Я не знаю. Ты права,
Одиночество чудесно.
Объясняться неуместно
Как белела голова.

СОНЕТ, РАСШАТАННЫЙ ЗУБНОЙ БОЛЬЮ

Я хочу решать космические задачи,
А не оплакивать листок раздавленной мать-и-мачехи.
Но меня постигают неудачи,
Потому что я не знаю законов математики.

Мне хочется поставить перед человечеством задачи
Бессмертного свойства, извечной тематики.
Но меня постигают неудачи,
Ибо я не вполне освоил основы грамматики.

И я, со своим небольшим словарным запасом,
Могу и смею говорить не массам,
А нескольким сотням знакомых со мною,
Которые меня понимают вполне,
И в вину не поставят мне
Упоение болью зубною.

САД КАМНЕЙ

(Венок сонетов)

«...длинные деревянные скамьи ступенями спускались к дворику, усыпанному белым песком. Из песка торчали разные, большие и малые камни, разбросанные как попало. На скамьях сидели люди и взирали на камни. Некоторые присаживались на несколько минут, потом бесшумно уходили – бесшумно, поскольку обувь снималась у входа в храм. Переговаривались шепотом,

сохраняя тишину. И вообще все в выглядело весьма торжественно, как будто там, на этом песке, что-то происходило.

А там ничего не происходило, лежали старые обыкновенные камни, посреди песка. Напротив, замыкая сад, тянулась земляная стена, крытая черепицей. Всё это сооружение составляло знаменитый Сад камней рама Рёандзи. Сбоку, на стене, в рамке висела надпись:

Сядьте и побеседуйте с Садам камней,
В огромном мире, как отдалённые точки,
Затеряны островки с благоухающими вершинами,
Напоминая нам бескрайнюю вселенную,
И наши сердца очищаются от скверны,
И мы можем постичь дух Будды.

...следы граблей ровными линиями тянулись по белому песку. Вокруг камней они расходились кольцами, как круги на воде. Расчерченный линиями песок словно бы растягивал пространство. Расстояния между камнями становились огромными. Они уже были не острова, а миры, галактики, затерянные во Вселенной...

Всего я насчитал четырнадцать камней. Почему такое число? Тэракура-сан обрадовался моему вопросу. На самом деле всего камней не четырнадцать, пояснил он, а пятнадцать. Один какой-нибудь камень всегда заслонен. И, демонстрируя этот сюрприз, взял меня под руку, провёл несколько шагов. Незаметный до этого камень открылся.

Я сосчитал – их снова было четырнадцать. Мы передвинулись, и опять один из камней спрятался и появился другой. С любой точки можно было видеть четырнадцать и никогда все пятнадцать...»

Д. Гранин. «Сад камней».

САД КАМНЕЙ. Венок сонетов

1
Кто сад взрастил на дерзком островке,
На пестром поплавке средь океана
Сырых созвездий, влажного тумана
И спутников, юлящих на крючке?
У времени в таинственной реке
Водовороты вьются неустанно,
В них, словно в веретёнах, вьётся тайна,
Подрагивая ниточкой в клубке.
То женщиной восстанет из волны,

То выйдут очертания страны
Светло увитой пеною кипучей,
То мглу волшебный сад озолотил
Горящих марев, проливных светил,
Объятый тяжело волной певучей.

2

Объятый тяжело волной певучей,
В мирах качается земли клочок,
Мерцающий во мгле, как светлячок,
Заворожённый чащею дремучей.
Но сад вечнозеленый и цветущий,
Вместившийся на этот пятачок,
Кто насадил, кто дал ему толчок,
Вспоил неиссякающею тучей?
Кому благодаренье за труды?
Возникли человечества сады
Из недр вселенной, яростной и жгучей.,
Корнями оттолкнувшись от земли,
Плодоносящим древом расцвели.
Высокий промысел? Замысловатый случай?

3

Высокий промысел, замысловатый случай,
Венец чудотворящего труда,
Какая, к черту, разница, когда
Есть сад. Плодоносящий и цветущий.
И в самом деле, разум вездесущий
Вдруг за игрушки принялся, беда!
Играет в прятки с тайною бегущей,
Как школьник, побросавший что куда.
Но игры – только первые попытки
Ума и воли, рвущейся в избытке
Пульс мира ощутить в своей руке.
А взрослые, они ведь тоже дети.
Есть сад в саду великом на планете.
Здесь возлежат лишь камни на песке.

4

Здесь возлежат лишь камни на песке,
А в камне – запечатанное время.
В нём тайный свет вселенной, не старея
Пульсирует, как жилка на виске.
Страстей доисторических арена,
Он и теперь, на мерном сквозняке
Нет-нет а просияет дерзновенно,
От музыки всего на волоске.
Но камень, это камень неизменный.
Здесь, может статься, лишь модель вселенной
Затеяли построить на песке.
Сюда, в японский монастырский дворик
Порою шут заглянет, «Бедный Йорик»,

Порою путник забредёт в тоске.

5

Порою путник забредёт в тоске,

О бренности земной здесь посудачит:

«Всё суета. Я знал. Но это значит,

Над суетой есть нечто, вдалеке.

Недаром здесь, на малом островке,

Лишь отражение мира на песке,

Лишь камни, а душа над ними плачет.

Здесь тайна есть. Но тайна тайну прячет.

Все камни – врозь, и все – сочленены.

Равниной затяжной окружены,

Мы одиноки в пестряди толкучей,

Её встряхнёт в нас только пропасть, взрыв...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.